

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Евгений ЩЕПЕТНОВ

The background of the cover is a vibrant, painterly illustration. It depicts a group of characters in a magical forest setting. On the left, a man in a dark hooded cloak sits on a dark horse. In the center, a woman in a long white dress stands, holding the hand of a man in a blue tunic who is leaning over a brown horse. To the right, an older man with long white hair and a staff sits on a white horse. The forest is filled with tall trees, and the sky is a mix of purple and orange hues. A glowing purple butterfly is in the upper center, and a large orange and black monarch butterfly is in the lower right corner.

ИМПЕРСКИЙ
КОЛДУН

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Евгений Щепетнов
Имперский колдун

«Эксмо»

2015

Щепетнов Е. В.

Имперский колдун / Е. В. Щепетнов — «Эксмо»,
2015 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-699-80534-1

Продолжение приключений Илара Истарского! Против своей воли ставший черным колдуном, Илар отправляется в столицу империи. Казалось, дела идут на лад. Илара принимают в Орден черных колдунов, назначают главным магическим защитником самого императора и его супруги. Проблема только в том, что императрица, пресыщенная любовными похождениями красotka, положила глаз на смазливового черного мага. А ведь Илар верен своей юной жене и готов даже отправиться в смертельно опасный поход в джунгли, лишь бы избавиться от назойливого внимания высокопоставленной соблазнительницы...

ISBN 978-5-699-80534-1

© Щепетнов Е. В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Щепетнов

Имперский колдун

© Щепетнов Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

– И оный недомерок суть черный колдун, поднимающий нечестивых мертвецов и говорящий с ними человеческим языком? – Старик с длинной седой бородой вскочил с места и, шустро подбежав к Илару, осмотрел его с ног до головы белесыми, как у рыбы, глазами.

– Неплохо бы и тебе говорить человеческим языком. – Мужчина лет сорока в отличие от неопрятного старикана выглядел превосходно: ухоженный, источающий легкий аромат благовоний, прическа служила образцом деятельности цирюльника.

– Изыди, нечестивый! – Старик сделал жест, якобы отводящий демонов, и плюнул в сторону мужчины.

Тот поморщился и громко сказал:

– Видали? Старикашка впал в маразм! Уважаемый Герен, вам не кажется, что пора навести порядок в Ордене и выгнать из него всяческих идиотов, да неплохо бы еще и запретить им заниматься колдовской деятельностью! Сегодня он плюет в сторону коллег, а завтра...

– Дерьмом кинет. Прошлогодним, – шепнул кто-то сзади и захихикал.

– А что ты ерничаешь, Евлат?! Кинет, непременно кинет! – продолжил оратор. – Вот сотворит он какое-нибудь гадкое заклинание и направит на тебя, тогда узнаешь!

– Жетрон, ты же знаешь, уважаемый Иссильмарон никогда не совершит такого деяния, ведь оно приведет к тому, что его не только лишат колдовской практики, а еще и сожгут на костре как черного колдуна, применившего свои способности не для помощи трону, а для нанесения вреда людям, и тем паче – вреда своим коллегам, магам, находящимся под защитой императора! – Председатель нарочито выделил слова «сожгут на костре» и посмотрел на старого колдуна, будто предупреждая.

Старикашка скорчил мерзкую рожу, ощерив желтые зубы, все три, и тут же прекратил совершать судорожные движения, в которых Илар без труда узнал начальные пассы заклинания «Глубокое недержание». После этого заклинания, если оно пробьет систему защитных амулетов, человек неделю не слезет с горшка! И это в лучшем случае.

Для себя Илар решил как-нибудь попробовать – а что получится у него, если наколдует такое заклинание? Когда он стал черным колдуном, обнаружилось, что у него не получалось ни одного заклинания. Нет, не так – заклинания получались, вот только действовали совсем не так, как описано в книгах заклинаний. Если хотел разогреть воду – она замерзала. Если хотел заморозить, получалось нечто, вообще не связанное с температурой воды. Интересно, что у него получится в результате вот этого заклинания? Очень интересно. Только вот на ком пробовать?

Решив обдумать все это и обсудить со своей домоправительницей и наставницей в одном лице, бывшей шаманкой Леганой, Илар сосредоточился на заседании Ордена черных магов и, в частности, на речи злобного старика, как раз в этот момент что-то требующего у новобранца Ордена.

– Ну, чего встал как столб? Покажи черную метку!

– Глава Ордена уже сказал, что Илар – черный колдун! Тебе этого недостаточно?! – крикнул кто-то слева. – Не тяни время, а? Тебе делать не хрена, что ли? А меня ждет молоденькая девчонка, кувшин холодного вина и пирог с олениной! А ты тут несешь всякую ерунду!

– Согласно уставу Ордена черных колдунов, новобранец должен продемонстрировать знак принадлежности его к темным мастерам! – нараспев прочитал старик, торжествующе глядя на говорящего и вздымая свою нечесаную белую бороду.

Илар с отвращением заметил, что в ней запутались крошки, остатки тыквенных семечек и, похоже, рыбы кости. Выглядело это так, будто старый колдун подмел своей бородой двор гостиницы.

– О боги! Старый придурок сейчас сядет на своего конька: «Традиции! Бла-бла-бла! Соблюдать! Бла-бла-бла!» – прошептал кто-то за спиной Илара, но старик услышал.

– Да! Традиции! Вы, молодежь, утратили связь с прошлым! Вам дороже девка с ее дурными болезнями и немытым задом, чем законы Ордена, выпестованные тысячелетиями, уставленные поколениями ваших предков! Вы... – Он продолжал нести какую-то хрень, и с трудом сдержавшийся от истерического хохота Илар услышал, как тот, кто мечтал о кувшине и девице, выругался и с тоской пробормотал:

– Ведь умеет испортить настроение, старый пердун! Теперь я все время буду думать, что она больна! И ведь знаю, что нормальная девка, чистая, а все равно – осадок-то остался! Чтобы ты от запора помер!

– Итак, юноша, покажи свою черную метку. Это будет означать, что ты доверяешь Ордену свою тайну, а мы убедимся, что ты настоящий черный колдун, достойный следовать путем своих предков.

Илару никак не хотелось «доверить» Ордену такую важную часть своего организма, тем более что это было совсем неприлично, оставалось только радоваться в очередной раз, что метка возникла не там, где он больше всего боялся, и кое место видит только он сам и его любимая супруга. Но что поделаешь?

Пожав плечами, покраснев, как вареный краб, Илар вышел в центр комнаты и, не глядя на окружающих, развязал завязки штанов. Надо заметить – при гробовой тишине присутствующих. Штаны спали – он едва успел их поймать. Илар задрал рубаху позади, и на его ягодице обнажилось черное пятно размером с голубиное яйцо.

Секунды три царило молчание, потом все зашумели, захохотали взахлеб, утирая слезы, а старик озадаченно покусал губы – торжественная процедура превратилась в фарс. Впрочем, он тут же воздел руки вверх и пронзительно завопил:

– Спасибо, о боги! Вы дали нам нового члена Ордена! Славься!

– Славься, славься! – махнул рукой тридцатилетний с виду мужчина, по голосу Илар узнал, что именно этот человек жалел о стынувшем вине и молоденькой девице. – Все, что ли? А впрочем, мне даже понравилось! Давно так не смеялся! Ну, парень, позабавил! Давно никто не показывал Ордену задницу! Эй, Иссиль, ты как, доволен результатом? А заглянуть ему туда не хочешь? Проверить, так сказать, насколько он... черный?

– Твой язык, Евлат, доведет тебя до беды. – Старик щелкнул пальцами поднятых вверх рук, и между его ладонями проскочила здоровенная молния, с треском, вонью и запахом палевого волоса. Волосы и борода старика тут же встали дыбом, как бывает, когда прикоснешься к ним расческой, предварительно натертой о шерсть. Илар в детстве так развлекался. Зрелище получилось довольно впечатляющим, старик теперь напоминал то ли метлу, то ли огромный помазок цирюльника, вовремя не обрезанный нерадивым изготовителем.

– Нельзя ли без дешевых эффектов? – поморщился Герен, глава Ордена. – Господа, мне иногда кажется, что получаемые вами колдовские умения взамен отнимают у вас разум. Уважаемый Иссильмарон, воздержитесь в собрании от угроз и оскорблений коллег. Если уж есть такое желание помериться силами, мы можем предоставить вам возможность это сделать – в специально отведенном месте, где вы сможете показать свою удаль и лишит оппонента жизни, – если император разрешит, конечно. Вы, Иссильмарон, в последнее время доставляете мне столько хлопот, что, возможно, я сам лично походатайствую перед его императорским величеством о разрешении на дуэль – для вас и для вашего соперника.

– Не согласится, – шепнули сзади. – Старый брехун трус еще тот...

– Вам достаточно меня попросить, – продолжал Герен, – и для вас я это сделаю.

– Не нужно мне ничего! – гордо потряс распушившейся бородой старик. – Да, все чаще и чаще я вижу, как традиции Ордена нарушаются в угоду новым веяниям! Как...

– Опять начал, – простонали с мест, – да когда же он заткнется-то?

– Уважаемый Иссильмарон, – снова заговорил председатель, – вынужден вас перебить, так как время наше ограничено и у всех есть как личные дела, так и важные государственные. Если вам еще есть что-то сказать по поводу новобранца, говорите, если нечего сказать – присядьте на место, мы продолжим собрание.

– Есть! Есть вопросы! А чем он будет заниматься?! Что он умеет?! Мне сказали, что онный выюнош умеет поднимать мертвых и говорить с ними! Кто енто видел?! Может, он всем заливают в уши?

– Все, Иссильмарон, садитесь на место! – не выдержал мрачный мужчина рядом с Гереном. Илар знал его – это заместитель Герена, Зарган. Они вдвоем приходили в дом Илара, вместе с агентом Оликсом, третьим помощником главы Тайной службы (ТС).

ТС вычислила Илара, когда он добыл информацию от скончавшегося разбойника. Как раньше рассказывали Илару его знающие товарищи, все более-менее значимые преступные главари обязательно дают информацию ТС, иначе их давно бы уже прихлопнули, как мух.

– Рот затыкаете, нечестивцы! – прокричал Иссильмарон и потряс в воздухе посохом, который перед этим отставлял к стене. – Правду не убьете! Правда, она... Правда!

– Идите, идите, уважаемый! – Герен поморщился так, будто у него болел зуб. – Мы как-нибудь без вас разберемся, где правда, а где неправда. Итак, господа, вот Илар – теперь он член нашего братства. Прошу если не любить, то хотя бы не обижать. Впрочем, он сам кого хочешь обидит. Например, он может вызвать огненного жиздра. А самое главное – может управлять ожившим покойником.

– Силен парень! – восхищенно цыкнул зубом Евлат. – Мне сто десять лет, а я до сих пор не умею вызвать жиздра. А уж про подъем покойников и речи нет! Иссиль, видишь, парнишка моложе тебя на семьсот лет, а что умеет! Тебя змея зависти не душит?

– Евлат, оставь уважаемого Иссильмарона в покое! И замолчи! – Лицо Герена было холодно, голос бесцветен, но глаза смеялись, и он явно был доволен, что старика хорошенько поддели. Похоже, что старого колдуна в Ордене никто не любил.

– Все, господа, заседание закрыто. Если есть вопросы – можете потом ко мне подойти. Потом, Иссильмарон, потом! Мне сейчас некогда! Илар, за мной! – Герен ухватил Илара за руку и чуть не вытолкнул из зала в неприметную дверь. Следом проскочил Зарган и, когда дверь захлопнулась, громко выругался.

– Утомил старикашка! Когда же он сдохнет?!

– Сам такой будешь... лет через четыреста. – Герен мрачно хмыкнул. – Все такие будем. Проклятье нашей профессии – чем старше мы становимся, тем меньше в нас остается светлого...

– И мозгов! – закончил за него заместитель. – Он совсем дурной стал!

– Он сильный маг, – вяло сказал Герен, шагая по полутемному коридору. – Он нужен империи.

– Только это и останавливает меня от того, чтобы как-нибудь не накормить его ядом! – пробурчал себе под нос Зарган и, мрачно взглянув на Илара, предупредил: – Ты ничего не слышал, а мы ничего не говорили! И вообще, запомни: все, что ты слышишь в этих стенах, разглашать нельзя! Даже жене! Даже любовнице! Никому!

– Ему не надо любовницы с такой-то женой, – усмехнулся Герен. – Видал его красотку?

– Видал, – усмехнулся Зарган, – красавица, да. Но все надоедает, даже красота. Моя тоже была красоткой, и что, я не гулял от нее? Такова мужская натура! Самец должен покрыть как можно больше самок – такими природа, боги создали мужчин.

– Ты это своей Эльге скажи, – усмехнулся Герен.

– Нет уж... мне здоровье дороже! – хохотнул Зарган. – Она меня поймала с кухаркой, так я лечиться к магу ходил. Башку разбила сковородой.

– Помню, помню, – кивнул Герен, – ты синий был, будто по тебе табун лошадей пробежал. А кухарку выгнала?

– Самое интересное, нет! Я после этого прискорбного факта измены накупил жёнушке платьев, туфель – вину заглаживал. Так она, похоже, оставила эту молоденькую сучку как приманку! Позарюсь еще – она с меня обновок выжмет, да все на законном основании! Положено так! М-да...

– Это какая у тебя по счету жена?

– Третья... и все такие же были. На меня почему-то зарятся самые умные стервы, злобные, как змеи кукунза!

– Просто ты таких любишь, – усмехнулся Герен. – Кому нравятся нежные одуванчики, выбирает себе такую жену, как у Илара!

– Господа, – осторожно начал Илар, – осмелюсь спросить, а куда мы вообще-то идем? Я думал, что сейчас домой пойду...

– Мы тоже много чего думаем! – заверил Зарган. – Хотя это занятие вредное, от него голова болит! И ты поменьше думай. А делай то, что скажут. И тогда голова твоя будет цела, как и остальные части тела. Шагай давай...

– К императору идем, – тускло пояснил Герен, – представим тебя. Положено так. Может, он и не захочет тебя видеть, но предложить твою задницу для осмотра мы должны – по правилам.

– Хо-хо-хо... шеф, ну ты и скажешь вечно – как стрелу в глаз пустил! Задницу – для осмотра! Хо-хо-хо! Представляю, наш император рассматривает задницу этого парня! А рядом принцессы, а рядом их надушенные фрейлины, придворные – все стоят и смотрят на его полущария! О-хо-хо!

– А что, – без тени улыбки продолжил председатель, – может, и захочет посмотреть на его зад. Может потребовать предъявить метку. Как-то было такое, не соврать... лет двести назад, при его прапрапра... в общем, император потребовал показать. Даже иголкой тыкал в пятно. Но у того метка была на руке. Кстати, заметил, какая у него метка большая? О чем это говорит? О том, что парень силен. Я такую большую метку видел всего два раза. И то метки были, как мне кажется, поменьше. Все, пришли!

Выйдя из полутемного коридора, трое магов оказались в огромной светлой зале, где на возвышении стояли два кресла, невесть как и зачем попавшие на свои места. Илар вначале удивился, а потом до него дошло – троны! Это троны! Один – для императора, а второй, надо думать, для императрицы, ну не на ногах же она стоит возле властителя империи?

Маги прошли дальше, через весь зал, и, когда проходили, Илар внезапно заметил в нише, за толстой портьерой, чьи-то начищенные сапоги и плечо, одетое в блестящую броню. Он чуть наклонился к Заргану, хотел спросить, но тот его опередил:

– Гвардейцы. В каждой нише. Нас они знают. А если бы не знали, что нам позволено входить к императору среди дня и ночи, в любое время, – сейчас бы уже положили на пол и хорошо, если б сразу не убили. Впрочем, как раз могло быть и нехорошо: ТС все бы жилы вытянула, дознаваясь, кто таков и зачем сюда пробрался, к священной особе императора. Не бойся, ты же с нами! Доступ к императору в любое время суток имеют не все, только самые доверенные лица.

– Императора ни о чем не спрашивать, ничего не просить, выполнять все, что он скажет. Скажет прыгнуть вверх – прыгай. Скажет помочиться в ботинок – единственный вопрос, который ты можешь задать: в чей ботинок и как быстро. Этот человек – властитель миллионов людей, и ты для него маленькая песчинка.

– Не такая уж и маленькая, – возразил Зарган. – Маг, черный маг! Ты скажешь, что мы все ничтожные, что ли? Я не люблю этого принижения! Нам позволено стоять при императоре, а кому еще позволено стоять?

– Да много кому! – поморщился Герен. – Придворным, например.

– Только не на официальном приеме и не в двух шагах от императора! А нам позволено стоять! – с гордостью добавил маг.

– Все, господа, молчок! – Герен испытующе взглянул на Илара, будто проверяя, сможет ли он перенести встречу с императором, не ослепит ли его блеск лысины императорской особы, лишив сознания. – Сейчас я войду, испрошу дозволения императора принять вас. Ждите здесь, и... подтяни штаны, а? Только не завязывай слишком туго, вдруг снять придется, – ухмыльнулся маг, исчезая за высоченной красного дерева дверью.

* * *

Император оказался добродушным дядечкой лет сорока, а может, меньше... а может, больше – во-первых, Илар так и не наострился определять возраст, а во-вторых, при нынешнем развитии магии многие могли себе позволить иметь желаемый облик. Вернее, многие из тех, кто имел на это деньги, и немалые, – никто из магов не будет работать задаром.

По зрелом рассуждении понятно: вряд ли император занимался дешевым (для богатых – дешевым) способом приукрасить внешность, для настоящих богачей имелась и омолаживающая магия – дорогая и муторная, но действенная. Плати десятки тысяч золотых, будет тебе отмотано десять или двадцать лет назад. А то и тридцать. И будешь в этом возрасте, пока не помрешь.

Впрочем, эта внешность тоже своеобразная маска, возраст-то никуда не девался, менялся лишь облик. Если при первом, дешевом, способе преображения облик нельзя использовать, когда носишь защитные амулеты, то второй способ затрагивал плоть, и носи не носи амулеты, все равно останешься таким, каким тебя сделал колдун.

Кстати, как раз кардинально менять человеку внешность и умели черные колдуны. Черные колдуны работали с плотью и неживой материей, в отличие от колдунов-лекарей, излечивающих больных людей. Черные лечить не умели, почему-то не получалось это у них, но вот напустить порчу, болезнь – это всегда пожалуйста.

Во всех художественных романах, которые читал Илар, черные колдуны были описаны настоящими злодеями, и главный герой преодолевал множество препятствий в борьбе с этим ходячим злом. В конце концов он побеждал, насадив голову колдуна на кол, подвесив злодея за шею или отдав приказ четвертовать его – все в зависимости от фантазии и склонностей автора сочинения.

Вообще, Илар заметил, что большинство авторов с наслаждением описывали результаты злодейских действий черных колдунов, а потом – подробности казни, которой подвергли главного злодея. Пришел к выводу – эти авторы сами скрытые злодеи. Утверждение, конечно, спорное, но ничуть не хуже любого другого.

Император находился в окружении придворных. Он играл в «лисы – кролики», сидя за столиком, сделанным из драгоценного ароматического дерева, и партнером его был третий помощник главы Тайной службы Оликс, носатый мужчина с глубоко запавшими глазами. Оликс слегка улыбался – видимо, он выигрывал партию, император же досадливо кусал нижнюю губу, яростно глядя на столик с фигурками.

Когда у столика появился Герен, император поднял взгляд, и тут же улыбка облегчения коснулась его губ:

– Все, Оликс, игра закончена! Некогда! Меня ждут государственные дела! Жаль, что мы не доиграли! Ты же знаешь, у меня был шанс выиграть, и очень неплохой!

– Без сомнения! – не моргнув глазом соврал Оликс. – Ваше императорское величество играет как бог!

– Издеваешься, да? – Император хмыкнул. – Я еще ни одной партии у тебя не выиграл!

– Ну... – задумчиво начал Оликс, – возможно, вы просто не хотели этого сделать. А во-вторых, зачем вам помощник главы Тайной службы, который не может выиграть ни одной игры, ведь правда? Вы мне платите за то, чтобы я выигрывал, а не за то, чтобы поддавался противнику.

– Ох хитрый лис! – довольно хохотнул император. – Ох и хитрец! Ладно, игрок... А это что, тот колдун, о котором вы мне говорили? Что-то не видный какой-то... молоденький совсем... смазливенький, как девочка. Красавчик. Эй, колдун, смотри, будешь пялиться на принцессу – головы лишишься!

– А это принцесса? – глупо спросил Илар и под смех присутствующих густо покраснел.

– Не сомневайся, – отсмеявшись, кивнул император. – Самая что ни на есть настоящая принцесса, моя дочь Аугира.

– А рядом красавица – тоже ваша дочь? – выпалил Илар, у которого кругом пошла голова от света, запахов благовоний, от вида десятков наряженных красавиц и статных мужчин в дорожной одежде, увешанной орденами и золотыми цепями.

– А вот если на нее будешь пялиться – кол тебе обеспечен. – Глаза императора блеснули нехорошим блеском, и новоиспеченный колдун тут же понял – не шутит! Может и на кол посадить! А личина доброго дядечки – не что иное, как маска, под которой скрывается хитрый и крайне изощренный в интригах человек.

– Это ее величество императрица Санароза, – тихо пояснил Оликс, – мать принцессы Аугиры, принцессы Илоны и принца Эстабона. Ты еще не раз с ними встретишься. Ваше величество, у парня голова кругом пошла от вида двора, простите мальчика.

– Да я и не сержусь, – усмехнулся император, – хоть какое-то развлечение. Сегодня такая скука! И даже игра с тобой меня не развеяла. На охоту отправиться, что ли?

– Ваше величество, я бы пока не советовал! – заторопился Оликс. – Есть сведения, что на вас может быть совершено покушение! Агент мне донес... – Он тихо забормотал, наклонившись к уху императора. Тот выслушал, лицо его помрачнело, и он в сердцах стукнул по колену здоровенным кулачищем:

– Ну когда это закончится? Пятьсот лет – и мы не можем искоренить бунтовщиков! Ну что им не живется? Сыты, в империи благоденствие, ну на кой демон им моя смерть?

– Есть сведения, что это с попустительства... – Оликс опять наклонился и зашептал императору, тот поднял брови и покачал головой:

– Не терпится им! Все мало, мало и мало! Сколько ни дашь – еще хочется! Иногда прямо таки подмывает уполовинить нашу знать, окружить себя вот такими восторженными парнишками и забыть об интригах как о дурном сне!

– Было уже, ваше величество. – Оликс пожал плечами. – Триста лет назад ваш предок император Бругильд устроил «Ночь Хрустальной резни», а после набрал из числа простолюдинов лучших молодых людей, воспитал их в духе преданности престолу. И чем кончилось? Он был отравлен дочерью одного из своих людей, когда лежал с ней в постели! Она желала восхождения на трон своего папы! А нынешняя знать как раз потомки этих самых молодых людей! Ничего не меняется, ваше величество... как сказал один из мудрецов: «Нет ничего нового под солнцем. Скажут тебе «новое», посмотришь, а оно уже было в прежних веках».

– Ты сейчас с кем говорил? – блеснул глазами император. – С этим вот мальчишкой, что ли? Да в меня с детства вбили всю эту тягомотину – жизнь моих предков, с самого первого, короля Ландура, до моего покойного папаши, да удостоится он милости богов, сидя на небесах в окружении молоденьких красавиц! Ладно, хватит о моих предках. Давай-ка о настоящем. Итак, вот новый черный колдун, защита трона, и он якобы может поднимать из могилы покойников? Интересно, они сами выкапываются, как черви?

– Ваше императорское величество, вас неверно информировали, – хмыкнул Герен. – Мертвецов поднимают не из могил, а...

– Хе-хе-хе... попался! – хлопнул в ладоши император. – Ты и правда думаешь, что твой властитель идиот? Нет, ну скажи, думаешь так?

– Нет, не думаю! – с опаской ответил Герен, решив, что у императора сегодня дурное настроение.

– А вот надо иногда думать! – назидательно заметил император. – Вы, маги, частенько делаете, а потом думаете, и...

– Прошу прощения, папа, это что, колдун? – Принцесса Аугира была прелестна, это Илар заметил сразу.

Если Анара, жена Илара, была прекрасна совершенной, слегка холодноватой красотой, то от Аугиры шла волна чувственности. В ней всего было «слишком» – слишком полные губы, вызывающе краснеющие на совершенном, без единой помарки лице, слишком большие зеленые глаза, слишком пышные блестящие волосы цвета воронова крыла, украшенные сверкающими камешками, переливающимися в свете фонарей. Тонкая талия, крепкие бедра. Длинные ноги обтянуты тонкой полупрозрачной тканью, обрисовывающей великолепную фигуру, – совершенство, да и только. «Смерть мужчинам»!

У Илара перехватило дух от близости лица принцессы, заглядывающей ему в глаза. От ее кожи пахло тонкими, дорогими благовониями, стоящими целое состояние. Не влюбиться в принцессу невозможно! На беду для полюбившего...

Спасло Илара то, что перед его глазами вдруг вспыхнул образ жены, колдуньи древней расы, этот образ строго посмотрел на него и погрозил прекрасным пальчиком. Илару сразу стало легче, и он смог вздохнуть, только теперь обнаружив, что стоял не дыша минуты две.

– Хорошенький! – промурлыкала принцесса. – Хочешь присоединиться к нашей компании? Поиграем в жмурки... знаешь, как играют в жмурки? Мы завяжем тебе глаза, ты будешь нас ловить... за что ухватишь, так тому и быть! Пойдем?

– Дочь, ты не видишь, что мы беседуем?! – рассердился император. – Иди к своим бездельникам и развлекайся там! И вообще – никаких контактов с теми, кто не получил на это дозволения от меня! Одна ваша уже доигралась в жмурки! Бесстыжая! И ты хочешь?!

– Фи, папа, как грубо! – Аугира поморщилась, отчего ее носик сделался еще прекраснее, и новый колдун задумался: не применяет ли принцесса приворотные амулеты? Не случайно она так сильно подействовала на его мужское естество! Наверняка применяет, с нее станется!

– Идите, принцесса! – холодно заключил император и, дождавшись, когда рассерженная Аугира отойдет, тихо добавил для Оликса: – Отчет мне. С кем встречается, с кем развлекается. Надеюсь, она еще девственница?

– Лекари докладывают – да! – так же тихо ответил Оликс, но Илар услышал и едва не покраснел, что было бы некстати. Зачем им знать, что его слух обострен, как у собаки?

– Глаз с нее не спускайте! О возможных попытках затащить эту похотливую девку в постель докладывайте мне лично. А я буду принимать решение. Вообще давно пора выдать ее замуж, все-таки семнадцатый год уже. Девка зрелая. Натворить может – потом не расхлебам. Учти это. – Император повернулся к Илару: – Ну что, молодой человек, будете работать на меня. Предупреждаю...

– Ох, какой приятный молодой человек! – раздался мелодичный, густой, будто напоенный медом голос. Илар чуть не вздрогнул – настолько он был похож на голос Аугиры.

Императрица подкралась незаметно, будто лесной кот, и тоже заглянула в лицо парню. Он не удержался и поднял глаза на ту, что была первым человеком в империи после императора. То, что Илар увидел, его, как мужчину, порадовало – копия Аугиры, такой девушка будет лет в двадцать пять. Совершенная красота, зеленые глаза, все как у дочери, только с налетом опыта. Не сказались роды, не сказались прожитые годы – по прикидкам Илара, императрице сейчас уже хорошо за тридцать, как его матери.

– И ты туда же! – проворчал император, откидываясь на спинку кресла и всматриваясь в лицо новобранца-мага. – Да что такого вы нашли в этом юнце? Зрелый мужчина гораздо приятнее! Интереснее, чем этот худосочный парень!

– Кому интереснее? – с усмешкой переспросила императрица и потрепала Илара по щеке. – Ты умеешь делать амулеты? Я как-нибудь приглашу тебя, чтобы ты сделал мне амулет. Гораздо приятнее видеть возле себя такого красавчика, чем старого идиота, в бороду которого гадят мыши! Согласись, ведь так?

– Ну... – замешкался император, видимо вспомнив старого Иссильмарона. – Главное, чтобы результат был... а что касается мышиного дерьма – есть такое дело. Его бы засунуть в поилку для лошадей и хорошенько прополоскать! От старого Иссиля вечно пахнет чем-то кислым и тухлым, будто он десять лет не мылся.

– Вполне вероятно, – тихо шепнул Зарган, – не удивлюсь.

– Ну да ладно, понадобится – вызовем, – махнул рукой император и добавил: – Герен, оставайтесь, мне нужно с вами потолковать. А вы можете идти, – кивнул он в сторону Илара и Заргана.

Когда те отошли уже шага на два, пяясь, как положено (следовало отойти, пяясь, на десять шагов и только потом поворачиваться к императорской особе спиной – дворцовый этикет, параграф три, пункт восемь), он внезапно встрепенулся и поднял вверх руку:

– Стойте! Вернитесь!

Таковыми же острожными шагами Илар и Зарган вернулись назад и встали, чуть поклонившись, в позе почтительного ожидания. Илар копировал своего старшего коллегу, истово повторяя все, что тот делал. Ведь не хочется прослыть невежей, не знающим, как себя вести при дворе.

– Слушаю, ваше императорское величество! – спокойно сказал Зарган.

И властитель, внимательно глядя на Илара, вдруг спросил:

– У него есть черная метка? Пусть покажет. Я на днях встретил упоминание о ней в одной из старых книг, и меня очень заинтересовала эта штука – откуда она берется? Почему вдруг на теле мага возникает странное пятно?

– Говорят, что через это пятно в колдуна проникает колдовская сила. – Герен оставался спокоен, хотя в его глазах мелькали вспышки смеха. – Ваше величество, может, не станем требовать от юноши, чтобы он показал нам пятно?

– А чего такого-то? – нахмурился император. – Что, приказ императора ему не приказ? Это что еще такое? Ну-ка показывай!

Илар вздохнул и багровый, как уголь в жаровне, взялся за завязки штанов. Свершиться конфузу, о котором помнили бы несколько сотен лет, не дал Герен – нагнувшись к императору, он начал ему что-то говорить, и чем дальше говорил, тем выше поднимались брови властителя империи. В конце концов тот захохотал, взвизгивая, утирая слезы и хлопая тяжелыми ладонями по мощным бедрам:

– Ох, насмешил! Ну и юноша... ну и... ах-ха-ха!

Императрица непонимающе посмотрела на супруга, наклонилась к нему, спросила. Властелин шепнул ей несколько слов, дама слегка порозовела и, прикрыв лицо веером, сделанным из кости и золотых пластинок, мелодично захихикала, жадно пожирая Илара взглядом. Словно голодная собака разглядывала миску с теплой мясной похлебкой – с языка каплют капельки слюны, а голодный живот урчит в предвкушении сытной пищи.

Илар вдруг с неудовольствием понял, что императрица суть обычная женщина, которой очень понравился молоденький юноша; она не прочь затащить его, Илара, в постель. И еще – что нужно держаться подальше от любвеобильной дамы. Связь с ней – это не только предательство любимой жены, но и кое-что похуже, например острый, заточенный, намазанный жиром

кол, раздирающий зад. Так, слышал Илар, наказывают тех, кто покусился на священную особу императорской семьи.

Император, отдувающийся, как грузчик, встающий из-за стола после вкусного, сытного обеда, снова махнул рукой, отпуская Заргана с Иларом, и те, быстро пятясь, отошли от властителя и, повернувшись, исчезли за высокой дверью, отрезавшей их от шепотков, улыбок и гримас придворных. В коридоре было тихо, спокойно и, если не считать гвардейцев за портьерами, пусто.

Зарган облегченно вздохнул и, оглянувшись на шагавшего чуть позади Илара, подмигнул:

– Позабавил ты старика! Давно не видел, чтобы он так смеялся, – с того времени, как Марита Уггумская поскользнулась на паркете, упала на спину, случайно содрав с себя юбку. Оказалось, под юбкой по случаю жары у нее не было панталон, и все желающие могли лицезреть прыщавую задницу матроны и запущенный «сад» в интимном месте. Тогда его величество чуть удар не хватил от смеха. И вот уже несколько лет несчастная Марита не выходит в свет, удалившись в свое сельское поместье, и весь их род, претендовавший на близость к императору, потерял свое влияние. Как только пойдет речь о ком-то из этого рода, тут же следует вопрос: «Уггумский? Это не тот ли, что...» – и все. Люди смеются. Вроде такой ничтожный, ничего не значащий случай, а сколько последствий! Учись, молодой человек, – нет случайностей, нет мелочей, все должно быть продумано, все сделано правильно. Особенно это важно для мага. Достаточно чуть изменить букву или слово в заклинании – по небрежности или нарочно, – и результат будет непредсказуемым. Да что я тебе рассказываю, ты и сам знаешь.

– Господин Зарган, скажите, а каковы мои обязанности при дворе? – задумчиво спросил Илар. – Что я должен делать? За что мне платят такие деньги и, замечу, большие деньги? Что мне делать?

– Ничего, – пожал плечами заместитель главы Ордена, – пока ничего. Но если тебя призовут, ты должен сделать все, что умеешь. Могут не вызывать годами, а могут и вообще никогда не вызывать.

– За что же тогда мне будут платить? – спросил обескураженный Илар. – Какой смысл в том, чтобы не делать ничего?

– А такой! Все черные маги должны состоять на службе императора, и, чтобы ты не помышлял о службе на кого-нибудь еще, тебе платят хорошие деньги! Ты подписал контракт, получил деньги – все, ты отвечаешь по контракту. А если ты просто колдун и не работаешь на императора, ведь кто-то может нанять тебя для работы против императора.

– Подождите – закон гласит, что работа против императора карается по закону! Как меня могут нанять против императора?

– Могут. Косвенно. Ты и сам знать не будешь. А так – ты должен сообщать обо всех клиентах, которые делают у тебя заказы. Сообщать о подозрительных, записывать, кому какой амулет сделал, и по первому требованию давать сведения Тайной службе.

– Доносить на клиентов? – поморщился Илар.

– Ох ты какие мы нежные! – скривился Зарган. – Можно подумать, что ты родовой дворянин, которому с детства вбили в голову понятие о том, что доносить плохо! Весь мир держится на доносах! Все доносят на всех, а если бы этого не было – как бы мы узнавали о готовящихся заговорах, о преступниках, как бы раскрывали преступления?! Как бы мы узнали о тебе?

– Кстати, а как вы узнали?

– Секрет! – хохотнул Зарган и тут же подмигнул. – Ты думаешь, такое событие, как появление музыканта, под музыку которого пляшет и стар и млад, пройдет мимо внимания ТС? Она считает, считала и будет считать, что плясать все должны только под ее дудку, а не под чью-то, особенно если этот кто-то «темная лошадка» с непонятно как доставшимися ему способностями черного колдуна. И еще – ты думаешь, у ТС нет агентов в среде профессиональных пре-

ступников? Тогда ты не знаешь нашей системы. Нет, дорогой мой, здание империи держится уже сотни лет не потому, что оно такое крепкое, а за счет того, что такие люди, как Оликс, бережно хранят его стены, следят, чтобы никто не подкапывался под фундамент. В империи существует четкая система осведомителей, информация стекается сюда со всех концов страны. И не думай, что Оликс такой простой, каким кажется, – это умнейший, коварнейший человек, преданный империи до мозга костей. На него было уже двадцать покушений, но все закончились ничем. Впрочем, я подозреваю, что половину из этих покушений организовал он сам – чтобы показать императору, насколько досадил врагам империи он – третий помощник главы ТС. После каждого покушения император, человек справедливый и щедрый, дарит ему хороший подарок – или поместье, или денежное вознаграждение, чтобы загладить, так сказать, потрясение, полученное Оликсом на государственной службе.

– А вы не боитесь запросто рассказывать о таком могущественном человеке, как третий помощник главы Тайной службы, о том, что он обманывает императора и вымогает деньги? – прищурился Илар.

– Хмм... а ты не так прост, как кажешься! – усмехнулся Зарган. – Надо будет это учесть. Илар мысленно выругал себя за длинный язык! А Зарган продолжал:

– Во-первых, никто тебе не поверит, если ты начнешь болтать об этом на каждом перекрестке. Во-вторых, я откажусь – не говорил такого, и все тут. А в-третьих, ты же не будешь наживать врагов в своем Ордене? Мы можем помогать, но можем и так осложнить твою жизнь, что... В общем, плохо тебе будет. Тебе уже сказали – все, что ты услышишь в Ордене, там и остается. Если ты будешь замечен в том, что распространяешь информацию, полученную в Ордене, это будет признано нанесением вреда нашему обществу, и тебя постигнет кара – стрела ли случайная прилетит, грабители нападут и перережут тебе глотку, или же съешь что-нибудь несвежее и помрешь в муках – кара богов за клятвопреступление может быть разной и очень неприятной. Тебе ясно?

– Ясно. Да я и не собирался никому говорить. – Илар сделал вид, что обиделся. – Что вы так на меня напали-то? Я просто спросил! Меня всегда учили: нужно меньше болтать, особенно с теми людьми, которых недостаточно хорошо знаешь. Мало ли что у них на уме?

– Разумно, но ты уже не случайный человек со стороны, а член нашего Ордена. Потому ты должен знать расстановку сил в империи и в Ордене тоже.

– Честно сказать, у меня уже голова идет кругом от всего того, что я услышал и увидел! – сознался Илар. – Я не понимаю, как себя вести и что делать. Спасибо, что вы наставляете меня на верный путь. Извините, если я сказал что-то не так, ведь это было совсем даже без задней мысли! Я ошеломлен, растерян и несу что ни попадя... Тут еще императрица... видели, как она в меня глазами впиалась? Она сказала, что пригласит меня делать ей амулеты. Мне что-то страшновато. Чего она от меня хочет?

– Хо-хо... ясно – чего! Старушке под шестьдесят, а тело у нее молодое. Желания – тоже. Хочется ей молоденького любовника, и все тут! Гвардейцы, придворные, просто случайные мужчины... если она на кого-то положила глаз – все, держись!

– Ничего себе! – Илар искренне расстроился. – А если я ей откажу? Я не хочу изменять жене! И на кой демон мне бабулька, когда у меня молодая, красивая жена? Императрице – под шестьдесят! Никогда бы не поверил, если бы это сказали не вы! Неужели и нашему императору столько же?

– Больше. Императору больше, – серьезно кивнул Зарган. – И не обольщайся, он не такой добрый дядечка, как ты думаешь. Он очень умен, хитер, иначе бы не удержался на троне столько лет. И довольно дельный император – с виду он переложил все свои обязанности на подчиненных, бездумно проживает жизнь. А на самом деле он держит все ниточки управления империей у себя, и все ходят у него по струнке. Не дайте боги, сделаешь что-то во вред империи, а значит, – ему, вмиг узнаешь, что такое императорский гнев. Что касается види-

мого возраста – если бы ты знал, сколько стоит поддержание организма в таком замечательном состоянии, удивился бы. Огромных денег. Это еще та причина, по которой империи нужен Орден черных колдунов, – только мы умеем поддерживать организм в состоянии молодости и продлять дни людей. За хорошие деньги, конечно. Но у императора денег хватает. Кстати, те, кто обладают магией омоложения и пользуют императора, получают жалованье в десятки раз большее, чем у тебя. И еще подарки, особняки и земли. Думаешь, почему мы терпим этого старого придурка Иссильмарона? Он знает такую омолаживательную магию и успешно с ней работает.

– А принцесса... она тоже взрослая?

– Нет. Ей лет столько, на сколько она выглядит. Поздний ребенок. И злые языки поговаривают, что отец ее вовсе не император, но тсс! – Зарган приложил палец к губам и оглянулся по сторонам. – Тебе нужно многое узнать, прежде чем ты сможешь ориентироваться в интригах двора. А что касается приглашения императрицы – мало ли, чего ты не хочешь! Если ее величество пожелает, ты не только ее в постель завалишь, но и всех фрейлин. И даже кухарку Фринду, весом в триста сторнов! Хе-хе-хе... иначе императрица устроит тебе такую сладкую жизнь, что ты предпочтешь сам перерезать себе горло! Что, думаешь небось: «Куда я попал?» Попал ты во дворец, а тут нельзя быть сильно праведным. Доблесть тут одна – выполняй приказания власть имущих, и все будет хорошо. На тебя посыплется золотой дождь, ты будешь сыт, одет, обут, и все у тебя будет замечательно. Если же ты не примешь правила игры, или беги на край земли, или умри – другого не дано. Ну, парень, все, прощаемся. Когда понадобится, мы тебя найдем. Хоть и на краю света... хе-хе-хе... Да ладно тебе, не хмурься! Жизнь прекрасна, ты молод, красив, обеспечен, а императрица не такая уж уродина, и надо сказать – ОЧЕНЬ даже не уродина. Красотка! И умелая... легенды ходят.

– Вы что, нарочно меня под нее подставили? – Илар в упор посмотрел на веселящегося Заргана, и тот проглотил смех под пристальным взглядом черного мага, будто вспомнил, что перед ним стоит не простой парнишка, а довольно-таки сильный колдун. И непростой, как уже выяснилось.

– Ну... ее императорское величество всегда имела склонность к симпатичным колдунам. Ну вот есть у нее такая прихоть! Да нет, нет – шучу... по закону действительно мы должны представлять нового члена Ордена императору. Все, мне уже некогда, шагай, парень, радуйся жизни! – заместитель главы Ордена черных колдунов похлопал Илара по плечу и быстро бежал по широким ступеням дворцовой лестницы, выходящей на площадь. Через минуту он уже исчез где-то под аркой, у которой стояли два гвардейца в полном вооружении, нещадно потеющие в своей броне под полуденным жарким солнцем. Их лица покраснели, на лбу выступили крупные капли пота.

Гвардейцы осмотрели Илара с ног до головы с такими недовольными физиономиями, будто это он разогрел воздух до температуры печи, и через секунду забыли о его существовании: это всего лишь какой-то парнишка, непримечательный, одетый не по дворцовой моде – прислуга, не более того. Чего на него время тратить? Раз входил внутрь – значит, имел право. Выйти из дворца может каждый, вот войти – это другое дело.

Илар проскользнул мимо потных солдат, от которых несло чем-то тухлым, как от мясных рядов на Верхнем базаре, прошел мимо попрошайек, с надеждой тянувших руки к прохожим, посещавшим храм Создателя, – его статуя стояла как раз напротив входа на дворцовую площадь. Затем протопал мимо двух жрецов, истово размахивающих руками и обсуждающих какую-то догму веры, и наконец достиг цели назначения – извозчика, мирно дремлющего в тени трехэтажного здания городской управы в ожидании выгодного пассажира.

Через пять минут, после яростной торговли с возчиком (привычка, ничего не поделаешь! Кроме того, – что-то вроде отдыха после посещения дворца, хорошо бодрит), Илар уже трясся в повозке, высекающей искры из булыжника здоровенными колесами, окованными железом.

До дома было не так и далеко, полчаса ходу, но Илар сегодня уже находился, настоялся, ноги его гудели от усталости. Да и какого демона тащиться пешком, когда можно проехать? Он что, нищий, что ли? Все-таки имперский колдун, с завидным для любого горожанина жалованьем!

Глава 2

На улице Зеленой в доме за зеленым забором его уже ждали. Когда-то, при покупке дома, забор был сине-голубым, но при наведении порядка на дворовой территории его перекрасили, приведя в соответствие с названием улицы.

– Наконец-то! А мы уже начали волноваться! – Анара прижалась щекой к груди мужа и зажмурила глаза, крепко обхватив Илара тонкими красивыми руками.

Илар уткнулся в белоснежные волосы жены и с наслаждением вдохнул их запах. Пахло цветами, травами и чем-то неуловимым, присущим только ей.

Анара была колдуньей, но особого рода. Древняя раса, к которой принадлежала девушка, умела управлять растениями – деревьями, травами, и теперь, когда Анара волей судьбы оказалась в столице империи и стала женой Илара, она занималась тем, что у нее получалось лучше всего, – выращивала целебные травы.

Старая шаманка Легана, по вине работоторговцев лишившаяся колдовской силы, продавала эти травы и лечила ими тех, кто не мог себе позволить обратиться к магам-лекарям.

И Легану, и Анару Илар выкупил из рабства и отпустил на свободу. Однако они предпочли жить в доме Илара – шаманка стала домоправительницей и лекаркой, ну а девушка... девушка стала его любовью, его страстью, его женой. Все получилось так быстро, так внезапно, так... В общем, юноша, недавно только мечтавший о самостоятельности, сбежавший из отцовского дома в провинциальном городке Шереста, через несколько месяцев после побега обрел молодую прекрасную жену. А еще – свой дом, чернокожую домоправительницу-шаманку из воинственного южного племени, ужасно некрасивую кухарку – тупую, но умелую, добродушную и сильную, мальчишку-слугу Дарана, ему недавно исполнилось двенадцать лет, – средоточие шkodливости, ума и верности. Также в доме Илара появился лесной однорог, таинственный зверь, о котором мало кто что-то знал достоверно и который, как оказалось, был совсем не глупее Дарана. Все проживающие в доме стали Илару семьей.

Однорог оказался даже разумней мальчишки, потому что не совершал глупых поступков, из-за которых можно лишиться жизни. По крайней мере, Илар об этом не раз говорил Дарану, кляня того за очередную проделку.

А самое главное событие в жизни Илара – все-таки не обретение любимой и нескольких друзей, главное – обретение магической силы, полученной от черного колдуна Герезарда. Тот с помощью колдовства заманил парня в свою избушку и насильно заставил принять колдовскую силу. Увы, та принялась на грядке под названием «Илар» не совсем обычно – то ли старик что-то напутал, то ли Илар оказался мало способен к магии, но все заклинания, которые творил Илар, исполнялись с совершенно непредсказуемым результатом, и это стало его бедой и его счастьем.

По мистической случайности либо по промыслу богов, но дом, в котором сейчас жили Илар и его семья, ранее принадлежал именно тому колдуну, что и передал юноше свои способности к магии, – Герезарду. Хороший дом. В купеческом квартале недалеко от центра, со всем тем, что положено иметь дому, – с колодцем, амбаром, конюшней и садом, в котором так хорошо растут лекарственные травы...

– Эй, дай я тоже его обниму! – Даран оттеснил Анару и обнял Илара, ткнувшись головой в его бок. Илар похлопал его по спине и дрогнувшим голосом нарочито сердито отчитал:

– Сколько раз тебе говорил – невежливо людям говорить «эй»! Так делают только невоспитанные люди!

– Да плевать! – хихикнул Даран. – Ну вот что изменится, если я плюну на пол, скажи? Или крикну: «Эй!»? Ну что даст, если я этого не буду делать? Мне денег заплатят? Или примут

главным казначеем империи? Какой смысл в тупом выполнении правил, написанных какими-то придурками? Ну скажи, скажи!

– Что это он про плевки на пол? – подозрительно осведомился Илар, глянув на Легану, с улыбкой слушавшую разговор.

– Досталось ему сегодня! – Анара отошла от мужа и села на стул рядом, глядя на Илара сияющими голубыми глазами. – Тетя Легана его сегодня тряпкой отходила. Он в кухне на пол плюнул.

– Это мой протест! Она заставила меня мыть полы, вроде я натоптал, грязи натряс с башмаков! А я не тряс! Ну... почти не тряс. И вообще – от чистоты пола ничего не меняется! Она замучила со своими требованиями! Штаны меняй! Рубаху меняй! Полы чистые – плюнуть некуда! Гляди – с полов есть можно, как из миски, и хлеб не запачкается, а она – мой полы, говорит! Мой полы!

– Плевать на пол на кухне – это неуважение к дому, – грозно сказала Легана. – Если бы ты в нашей деревне плюнул на пол возле очага, тебя бы привязали к столбу и отдали на растерзание лесным зверям! Плюнуть на кухне означает, что ты призываешь демонов на очаг, требуешь, чтобы кухню никогда не посещали достаток и еда! Чтобы хозяева голодали! Ты соображаешь, что делаешь?

– Дикари, – упавшим голосом попытался отбиться мальчишка. – Это все плохие приметы, и они лесные! А у нас, в просвещенной империи, такие приметы не действуют!

– Вот сейчас оставлю без обеда, тогда и скажешь – действуют они или нет! – еще суровее заявила Легана.

– Нет, это уже нечестно – подгонять свои дурацкие приметы под наказание! – решительно заявил Даран. – Я не одобряю твои действия, тетя Легана, и считаю, что они противоречат разуму!

– Вот как! – удивился Илар. – Ты где таких слов нахватался? «Противоречат»! Легана, что это с ним? Только вчера не мог и фразы произнести без трактирной ругани, а теперь – вон чего! Прямо-таки ученый, а?

– Книг начитался, – ухмыльнулась Легана. – Ты же купил ему – и по этикету, и научных. Только видишь как – ума-то они ему не прибавили, только гонору, да словоблудить стал еще больше. Утром заявил, что теперь он просвещенный человек и будет изъясняться, как настоящий ученый. Посмотрим, насколько его хватит.

– Да уж не сомневайтесь! – Даран засунул палец в ноздрю чуть не на две фаланги и стал его там нарочито медленно проворачивать. – Я теперь буду всегда так балакать. По-умному!

– Тьфу, гадость какая! Иди вымой руки! – фыркнула Легана. – Да не вытирай руку о штаны! Ну что ты за поганец такой, а? Сам будешь стирать свои штаны! Ну как отучить тебя от дурной привычки, а?

– Тетя Легана, а откуда ты-то знаешь, как мальчишки должны себя вести в обществе? – прищурился Даран. – Откуда в лесу правила этикета?

– Я долго жила среди здешних людей, – пожала плечами Легана. – И когда жила тут, то соблюдала правила здешнего народа. Это разумно. Если бы я начала ходить здесь, как у себя в лесу, – в одной набедренной повязке, – как бы отреагировали на это окружающие? Всегда приходится соответствовать правилам того мира, в котором живешь. Так и ты – жил в трактире, среди пьяниц, задир, воров и жуликов, а теперь пора забыть тот мир и вжиться в этот, в котором живет Илар. Кстати, мы так увязли в обсуждении твоей персоны, что совсем забыли о том, куда ходил наш хозяин. Илар, мы на самом деле очень беспокоились. Одно дело – что они говорили нам здесь, и другое – как поступят с тобой во дворце. Орден черных колдунов – организация темная, чего от них ждать – неизвестно. Я как-нибудь потом расскажу тебе, что они творили. И что сделали с нашим племенем... вернее, пытались сделать. Не смогли. Будь осторожнее с ними. Расскажешь нам, что видел, что слышал?

– После обеда. – Илар уселся рядом с женой и положил сцепленные в замок руки на стол. – У нас есть какая-нибудь еда?

– Конечно! – усмехнулась шаманка. – Сейчас Устама на стол подаст. Сиди, сиди, Анара, я ей помогу.

– Посыльный сегодня был, – пискнул Даран.

– А почему молчите? – вскинулся Илар. – Письмо от родителей?

– Вот негодный! – сердито сказала Легана. – Я же сказала: не говорите Илару, пока не пообедает! Теперь аппетит парню испортил! Ну зачем ты ляпнул?

– Прости, тетя, не удержался! – виновато развел руками Даран. – Да ты не переживай, Илар. Просто письмо вернулось назад. Оказывается, твои родители продали пекарню, дом и куда-то уехали.

– Меня искать! – настроение Илара сразу упало ниже половицы. – И куда уехали? Посыльный не сказал?

– Нет, – виновато вздохнул Даран. – Все, что знал, он нам сообщил. А я тебе сказал. Никто не знает – собрались в считанные дни, за недорого продали пекарню и уехали. Прости, что испортил аппетит...

– Да, наверное, тебя искать, – удрученно кивнула Анара. – Я бы хотела познакомиться с твоими родителями. Наверное, они очень хорошие. Мои тоже хорошие. Ты бы им понравился.

– А ты – моим, – кивнул Илар. – Вот только как теперь их найти? Куда они уехали?

– В столицу, куда же еще? – усмехнулась Легана.

– Почему в столицу? – опешил Илар. – Я же им оставил записку, что поехал на север! Так почему ты сделала вывод – в столицу? Логично было бы искать меня на севере!

– Не считай родителей дураками, – еще шире улыбнулась шаманка. – Они знают тебя, знают о том, что ты мечтал стать магом. Где ты можешь им стать с большей вероятностью? В столице, само собой. Так куда они отправятся?

– И у них... у мамы тут родня вроде как – братья-сестры, – кивнул Илар. – Ну да, скорее всего ты права.

– У тебя тут родственники есть? – заинтересовался Даран. – А кто они? Чем занимаются? Почему ты никогда о них не рассказывал?

– Много будешь знать – нос отвалится! – Илар быстрым движением щелкнул Дарана по кончику носа. Тот ойкнул и отодвинулся подальше, потирая ушибленный орган.

– Не отвалится! Ну расскажи, ну пожалуйста! У нас есть родня в столице! Расскажи!

Илар усмехнулся и посмотрел на полного ожидания мальчишку, глаза которого сверкали от предвкушения. Даран даже не заметил, что сказал не «у тебя», а «у нас».

Вообще-то он был Илару никем – раб-вольнотпущенник, но как-то так получилось, что Илар стал считать шустрого мальчишку младшим братом, а тот воспринимал своего бывшего хозяина как старшего брата.

В глазах Дарана Илар – мудрый колдун, человек, на которого нужно равняться! Ну не смешно ли? – спрашивал себя Илар, который был всего на шесть лет старше своего «названного брата» и считал себя неполноценным магом и невеждой.

– Ладно, слушай. Моя мама из древнего дворянского рода, состоящего в родстве с императорской семьей. Ну не делай такие глаза – там двадцатая вода на каше, а не родство! Если разобраться – все люди в мире родня! Ну так вот, мой папа и она влюбились друг в друга. И сбежали. Поженились, уехали в Шересту. Папа был тут, в столице, стражником, каким-то небольшим командиром среди городской стражи. Он высокий, очень сильный, и его все боялись. А я уродился в маму – говорили, чуть не одно лицо с ней, так похож. Ну вот... и все, в общем-то. Мама урожденная Хессель, тут вся их семейка. Ее мама, моя бабушка, Гильма Хессель, померла, когда мама убежала с папой, братья мамы – два оболтуса, как она их называла, – пили, играли на скачках и растратили все дедово и бабкино наследство. Я даже имен

их не знаю – мама не говорила. Еще сестра мамина есть – она моложе ее лет на десять. Но где она – я не знаю. Вот и все, что я знаю о родне. Маму воспитывали в женской школе, хотели выдать за богатого дворянина, но она не оправдала их надежд. Сбежала. После побега родня от нее отсеклась – с маминых слов.

– Хессель... не слышала, – задумчиво протянула Легана. – Хотя... что-то такое мелькало! Это не тот ли генерал Хессель, что прославился во время Тунгурского похода, спас армию от удара мятежников в тыл? Он тогда еще был ранен, и ему был пожалован орден «Пурпурное Сердце», высшая награда империи?

– Ух ты... – восторженно прищелкнул языком Даран. – Тетя Легана, ты столько знаешь! Откуда про генерала знаешь?

– Проживешь лет шестьсот, не столько узнаешь. Но при том, как ты себя ведешь, – столько не проживешь! Дайте боги – лет пять, не больше! Боги, не цепляйтесь за слова и дайте неразумному пожить подольше...

– Ну сколько можно напоминать про одну и ту же ошибку? – фыркнул Даран. – Забыть пора, а вы все мне ее тычете в нос! Я хотел как лучше, а вы...

– Хотел! – перебила Легана. – Хотел ты денег хапнуть побольше! У пиратов украсть! А нам пришлось тебя вытаскивать из подвала! И еле успели! Жадность – это большой порок! И тот, кто зарится на чужое, когда-нибудь попадет в беду! Вот ты и попал!

– Бе-бе-бе! – Даран высунул язык и спрятался за Илара, видя, что Легана схватила со стола тряпку. – И не стыдно истязать маленького? Такая мудрая, такая добрая, такая замечательная женщина – и бьет несчастного сироту?! Тебе должно быть стыдно, тетя Легана!

– Ох... хе-хе-хе... я не могу! Мерзавец! Ну вот что с ним делать?! И видишь как – за Илара сразу спрятался!

– А за кого же мне прятаться? Он моя защита и опора, мой любимый хозяин, мой братец! – Даран выглянул из-за спины колдуна и, убедившись, что гроза миновала, вальяжно расселся в кресле, положив ногу на ногу. – Ну что, будем обедать?

– Будем, будем... – Легана легко поднялась и пошла к двери, ведущей на кухню, потом вдруг изменила направление и ловко поймала Дара за хвостик волос, собранный на затылке. Мальчишка дернулся, попытался ускользнуть, но железная рука шаманки держала его крепко, как держит древко копья воин лесного племени. Даран извивался, как червяк, но шаманка три раза крепко шлепнула ему по тугому задку, отчего по комнате раздался звук, будто удар пришелся не по мальчишеской заднице, а по дубовому столу. Совершив справедливую экзекуцию, она выпустила жертву и, морщась, потеряла руку:

– Негодник, когда зад отъешь? Всю руку отбила! Следующий раз надо будет тебя палкой побить!

– Я читал в книге, что бить детей неправильно! – заявил обиженный Даран, потирая тыл. – Ты лишаешь меня свободы, подавляешь мою волю! Вот! И если ты утолила свою жажду истязать маленьких мальчиков, то, может, мы в конце концов пообедаем, дабы я мог нарастить свои булки и ты могла бы истязать меня в дальнейшем с большим удовольствием? В животе урчит от голода! Просил же поесть, а ты – «Илара дождемся, Илара дождемся»! Он там, может, императорскими харчами объедался, а я тут голодай?

– И память-то какая, а? – восхитилась Легана. – Столько слов набрался! А ума так и не нажил! Быстро за стол, голодающий! Ты же полчаса назад украл у Устамы здоровенную кость с куском мяса, чего ноешь?

– Во-первых, не украл, а взял, а во-вторых, – чего там мяса-то было? Смех один! На один зубок! А мне надо зад наращивать – сама сказала!

– Все, сиди и не вопи. Сейчас все будет. Отпразднуем поход Илара во дворец и, самое главное, возвращение. С нетерпением жду рассказа – как все прошло.

* * *

– Не нравится мне это. Получается, что ты меж двух огней – если откажешь императрице, она тебя сожрет. Если уступишь императрице... ну я так, в порядке предположения! Что вы на меня вытаращились, будто я вас ткнула вилкой в зад?! Я всего лишь рассуждаю! Так вот, если ты уступишь императрице, император может посадить тебя на кол. И тогда всем нам будет плохо. Тут надо думать... крепко думать.

– А может, обойдется? – Анара вскинула голубые глаза на Легану. – Может, императрица забыла об Иларе?

– Ох, хорошо бы! – вздохнула Легана. – Но не думаю, что она забудет. Я знаю женщин... если они чего-то захотели, приложат все усилия... а наш Илар парень красивый, такой красивый, что женщин обязательно должен привлекать. Тем более что он черный колдун, а женщины любят что-то таинственное, странное, то, что увеличивает ценность любовника во много десятков раз! Знаю, что говорю, – сама такой была. Теперь стара, но помню, как это бывало, ох, помню... Я ведь одну девицу в борьбе за мужчину околдовала. Да так, что та превратилась в мычащий овощ, делала под себя... сейчас и вспомнить стыдно, а тогда я готова была убить за мужчину! Я горячая женщина была и... красивая.

– Ты и сейчас красавица, тетя Легана, – подмигнул Даран, – самая красивая тетя в мире!

– Все равно полы вымоешь! Не подлизывайся! – ухмыльнулась Легана, но рука ее поправила локон белых волос, упавших на темную кожу, украшенную вязью сложных магических татуировок.

Илар мысленно усмехнулся. Сколько раз он замечал: женщины, всем своим видом показывающие, как им безразличен проходящий мимо мужчина или как безразлична похвала внешности, совершенно неосознанно поправляют волосы, прихорашиваясь, будто стараясь понравиться. Легана, при всей ее жесткости, ничем в этом отношении не отличалась от обычных женщин.

Шаманка внимательно посмотрела на Илара, губы которого дрогнули в легкой улыбке, посмотрела на свою руку, поправляющую волосы, улыбнулась краями рта и легонько кивнула колдуну – поняла. А он сообразил, что Легана «прочла его мысли», и слегка смутился. Все-таки шаманка была не обычной женщиной, а очень, очень умной...

– В общем, так. Решение, конечно, за тобой, но мой совет – лавируй, не поддавайся, примени всю свою сообразительность, весь ум. Тебе нельзя поддаваться императрице, и не потому, что у тебя есть молодая и красивая жена, которая не одобрит связь с другой женщиной, хотя и это важно. Главное – как только ты окажешься в постели с императрицей, ты окажешься на крючке, как глупая рыба. Императрице ее муж ничего не сделает, а вот ты... будет повод, чтобы уничтожить тебя в любой момент. В любом случае мы всегда с тобой. Если что – уйдем на юг, и пусть попробуют нас взять! В лесу нас победить нельзя. Ну... почти нельзя. Жалко, конечно, уходить... ты наладил свою и нашу жизнь, столько труда...

– Нужно найти маму и папу, – твердо сказал Илар, сжав руки в кулаки, будто собирался подраться, – а потом все остальное. Я должен сказать им, что со мной все в порядке, что они могут не беспокоиться. Пока не найду родителей, отсюда не уйду. Что бы ни случилось.

– Ну и глупо! – презрительно хмыкнула Легана. – Ты считаешь, родители без тебя не выживут? Или пусть лучше они оплакивают твой труп? И вообще – ты унижаешь своих родителей, считая, что они не могут без тебя обойтись!

– Нисколько я их не унижаю! – Илар слегка растерялся под грозным взглядом Леганы. – Ты чего-то напридумывала, сама не знаешь чего!

– Все я знаю! – отрезала шаманка и тут же с улыбкой поправила себя: – Ну, не совсем все, но в твоём случае – точно знаю. Ты должен выжить, и не забывай – за тобой стоим мы. Если тебя не будет, какая судьба ждёт нас?

– Да какая судьба? – упал духом Илар. – Ты будешь лечить, Анара траву растить, Даран вам помогать будет, какая ещё такая судьба?

– Нет. Дом записан на тебя – нас через полгода выгонят, ведь наследников у тебя нет. Дом отойдет империи, таков закон. Даран покатится по наклонной, станет разбойником или пиратом, впрочем, это одно и то же. Он слушается одного тебя, нас только терпит. Молчи, мальчишка! Это правда! Анара уйдет в леса, к своим – если до тех пор ее не захватят работоторговцы. Однорога захватят и снова опустят в яму, для того чтобы его рвали собаки или волки. Все пойдет прахом. Не забывай, ты теперь не один, и ты не можешь позволить себя уничтожить. Не можешь позволить себе умереть. Что, не думал об этом? А вот подумай. Ты теперь взрослый человек, а каждый взрослый мужчина думает не только о себе. Он должен думать обо всех, кто зависит от его судьбы.

– Должен думать... до-о-олжен ду-у-умать... – эхом повторил Илар.

– Поможешь мне в саду? – неожиданно предложила Анара. – Пойдем?

– Пойдем, – с облегчением кивнул Илар и встал с места: – Спасибо за обед, Устама, было вкусно. Молодец!

– Хозяин доволен? – радостно хохотнула кухарка. – Я умею вкусно готовить! Боги мозгов мне не дали, но готовлю я хорошо! Правда, тетя Легана?

– Правда, – улыбнулась шаманка, – ты готовишь гораздо лучше меня. Видишь, Илар, как странно распоряжается нами судьба. Не дали боги Устама ни красоты, ни ума, а вот имеет же талант! Молодец, Устама.

– Я вот что хочу на вечер приготовить... – начала кухарка. Расплывшись в улыбке, она стала похожей на ожившего снеговика.

– Давай это будет для нас сюрпризом? – перебил ее Илар. – Пойдем, Ана!

– Сюрприз... – снова расплылась в улыбке кухарка, и Легана тихо вздохнула, думая о том, как несправедлива бывает эта самая судьба.

* * *

– Тихо... хорошо как! Я слышу, как растет трава! – Анара наклонилась к Илару и тихонько поцеловала его в губы. Илар взял ее за плечи, прижался, они ловили губы друг друга, будто от этого зависела их жизнь, забыв обо всех проблемах и волнениях. Молодость!

– Вот зачем вы в сад ушли! Я так и знал. Да ладно, чего так восторжеслись-то? Продолжайте – вы мне не мешаете.

– Мы тебе не мешаем? Точно? – сдвинул брови Илар и, набрав в грудь воздуха, едва не разразился гневной тирадой. И тут вдруг заметил, что Даран расстроен как никогда. Илар выдохнул воздух, поджал губы, снова посмотрел на мальчишку и, присев перед ним на корточки, спросил:

– Ну, что опять случилось? Что с тобой? Почему такой грустный?

– У тебя Анара есть теперь. Вы скоро родите детей, и ты меня забудешь. А у меня никого нет, кроме тебя. И зачем я вам?

– Во-первых, у тебя есть и я, и Ана, и тетя Легана, и Устама – она почему-то тебя очень любит, гляжу – все время какую-нибудь плюшку подсовывает!

– Ага! – просиял Даран. – Устама хорошая! Она говорит – я на ее братишку похож. Когда ее продали в рабство, он очень сильно плакал! А так она больше ни о ком не жалела в той семье. Илар, я не понимаю – как так можно? Вот семья, она дочка, сестра, а они берут и продают ее

в рабство, как скот какой-то! Как так можно?! Ну пусть она даже и страшненькая, не очень умная, но ведь она добрая и хорошая!

– Не знаю, Даран... – Илар устроился поудобнее на шелковистой травке, растущей на дорожке между грядками, обнял молчаливую Анару, положившую ему голову на плечо, и задумался.

– Иногда люди совершают такие поступки, которые у других людей вызывают не просто недоумение, а даже отвращение. И ни те, ни другие не могут понять друг друга. Вот как мы с тобой мыслим? Родных, друзей нельзя продавать в рабство, а нужно защищать и беречь. Правда же? Вот. А они как мыслят – семья большая, есть нечего, неурожай. Что делать? Почему бы не продать страшную, некрасивую Устаму – и одним ртом поменьше, и деньги будут! Остальные выживут! С их точки зрения, они правы. А с нашей – нет. Ведь это сродни тому, как если бы они просто взяли и съели ее. И скажи им про то, что мы считаем их поведение гадким, – не поймут ведь, сочтут идиотами. Вот скажи, ты видишь что-нибудь хорошее в бойцовых ямах? Нет? И я не вижу. А другие люди видят. Им интересно, нравится смотреть, как живые существа рвут друг друга на части, умирают в муках. Разное воспитание, разные люди. В мире много чего намешано... и плохого, и хорошего.

– Ой! У него язык, как терка! – пожаловался Даран, отпихивая однорога.

Зверь фыркнул, Анара улыбнулась и сказала:

– Быстроног тебя любит, жалеет тебя. Он считает тебя братом – маленьким, глупым, но братом, пусть и не по крови.

– Правда? – тихо спросил Даран, и улыбка расцвела на его худом лице.

– Правда. Я же никогда тебе не врал. И вообще я не могу лгать... точнее, мне было трудно лгать, – улыбнулась девушка. – Меня после вранья корежит, будто я съела что-то гадкое, несвежее. Я слышу мысли Быстроного, он со мной говорит.

– А я смогу когда-нибудь научиться слышать мысли? – жадно спросил Даран, разглядывая большую голову однорога, плюхнувшегося рядом с ним и положившего эту самую голову ему на колени. Дар сразу начал почесывать основание рога, и однорог блаженно закрыл глаза, готовый часами напролет подставлять шею и рог под почесывание.

– Не знаю, Дар, – искренне сказала Анара. – Люди древней расы рождаются с такими способностями, а вот люди... то есть обычные люди... не знаю. Слышала о таком, но встречать не встречала.

– Жалко... я хотел бы с ним поговорить. Скажи, а что за звери... хмм... что за существа эти самые однороги? Что они умеют делать?

– Жить... – улыбнулась Анара. – Да ладно, ладно – расскажу тебе! Однороги – это древние существа. Они умны, как люди, но их осталось очень, очень мало. Согласно нашим легендам, их создали боги, чтобы однороги правили миром. И вдруг Создатель передумал и сотворил для этой цели людей, существ с руками и ногами. Люди и вправду стали править миром. А вот однороги... что с ними делать? Создатель приказал им жить, размножаться, но... разум не отнял. И остались они в облике животного, но с разумом человека. Если бы у них были руки, то, уверяю тебя, однороги и в самом деле правили бы миром. И ты знаешь, возможно, миру пошло бы это только на пользу. От людей – злоба, зависть, любовь к деньгам, и, напротив, однороги ценят дружбу, им не нужны деньги, им достаточно чистого леса, широких прерий, чтобы они жили как хотят.

– А как они хотят?

– Просто жить, и все тут – есть, пить, размножаться и спать. Однороги очень порядочные существа, им не присущи пороки мира людей.

– Странно так, – хмыкнул Даран. – Никогда не думал, что буду вот так сидеть, а на коленях у меня будет лежать голова однорога! Я и в их существование никогда не верил...

и поди ж ты! Ах, мать твою... Да что же делается на этом... свете?! Чудеса ведь! – И он снова выругался. И тут же еще раз.

– Опять ругаться начал?! Да еще при девушке! – рассердился Илар.

– Да я не со зла, от души... прости, Анара. И ты, братец, прости. И еще... прости.

– За что? – улыбнулся Илар.

– За то, что я подумал, будто вам не нужен. Вы не сомневайтесь, нужно будет, я умру за вас, но не предам. Ну да, я деньги люблю, но... я не жадный! Мне хочется иметь свои деньги, чтобы не сидеть на вашей шее. Я хочу быть самостоятельным!

– Тебе всего двенадцать лет, ты еще маленький мальчик, – усмехнулся Илар. – Всему свое время. Уверен, ты будешь отличным травником, лекарем, правда, Ана?

– Правда. У него великолепная память, он запоминает с лету все, что я ему говорю. И даже – что не говорю. Он запоминает все, что видит. Ты вообще знаешь, что Даран может вспомнить все, что видел, в любой день, даже если прошел месяц?

– Что, правда? – поразился Илар и пробормотал себе под нос: – Мне бы такие способности.

– Правда. Как-нибудь мы тебе это продемонстрируем, да, Даран? А пока иди к тете Легане и делай то, что она приказала!

– А как ты догадалась, что я сбежал? – хмыкнул раздосадованный Даран.

– Догадалась, – засмеялась Анара. – Беги, а то получишь трепку, я знаю тетю Легану, она ничего не забывает. Как и ты...

Даран со вздохом, медленно поднялся с пенька, из которого торчал древесный гриб, и медленно побрел к калитке, ведущей во двор. Илар и Анара снова остались вдвоем. Если не считать однорога, конечно.

– Ну вот... не дадут побыть вдвоем, правда? – усмехнулся Илар.

– Ночью останемся, – прищурилась девушка. – А может, я тебе уже надоела? На императрицу потянуло?

– Перестань, – Илар встал, отряхнул штаны. Настроение у него безнадежно испортилось. Снова навалились проблемы, и, как получалось, нехорошие проблемы.

– Извини, – Анара виновато погладила его по бедру, – я знаю, что ты меня любишь и что тебе не нужны никакие принцессы и императрицы. Только знай – я тебя все равно любить буду, даже если тебе придется с ней... В общем, если нужно будет, я тебе разрешаю! Если от этого будет зависеть наша жизнь!

– Разрешает она! – ворчливо повторил Илар. – Я себе не разрешаю. Ну да ладно. Ты зачем меня звала в сад? Только для того, чтобы целоваться?

– Нет. Я хотела, чтобы ты попробовал произвести какое-нибудь из наших древних заклинаний роста растений. Хочу посмотреть, что из этого получится. Давно собиралась, да как-то времени не было. Надо было вырастить побольше лекарственных трав, собрать их, засушить – ведь Легане нужно чем-то торговать?

– Кстати, много клиентов приходит?

– Пока немного, – грустно поджала губы Анара, – не знаю почему. Может, отпугивает то, что это был дом черного колдуна?

– Он и сейчас дом черного колдуна! – хохотнул Илар. – Да наплюй! Я получаю золотой в день! Да на эти деньги можно безбедно жить всей толпой! Правда, Быстрик? Что он ответил?

– Он смеется и говорит, что не знает, что такое деньги и зачем они нужны. Я потом расскажу ему, что такое деньги. Мое упущение. Надо, чтобы он знал, как живут люди.

– Какой смысл ему знать цену деньгам? – вздохнул Илар. – Он же на рынок за покупками не пойдет? Тут другой вопрос – нужно как-то сделать, чтобы Быстрика официально признали моей собственностью. Ты объясни ему – я не собираюсь брать его в рабство или что-то такое,

но, если кто-то вдруг решит его поймать или же отнять у меня, я буду иметь право обратиться за защитой к императорской страже. Понимаешь?

– Я-то понимаю, но как Быстрику это объяснить? Вообще-то не забывай, что при всей его мощи, при всем его уме по возрасту он примерно как наш Даранчик. Он же еще маленький!

– Хмм... а какие же они вообще вырастают? Если Быстроног маленький?

– С лошадь. Некрупную лошадь. И тогда его ничто не может остановить, кроме стрелы или копья...

– Ты знаешь, что из рога однорога делают самые сильные приворотные средства? – Илар исподлобья посмотрел на Анару. – Это не все знают, иначе бы мне не удалось купить его так дешево. Знают только колдуны, которые эти средства делают. И еще есть кое-какие зелья, которые можно приготовить из его рога, и самое главное – из крови. Кровь требуется для многих ритуалов изготовления снадобий. Мы с Леганой изучали книгу заклинаний, так вот заклинание «Пятидневный ужас» делается на крови однорога. Теперь понимаешь, почему их осталось так мало? Я вообще удивлен, что никто из колдунов не пронюхал, что в бойцовой яме травят однорога. Они бы насыпали мешок золота за нашего Быстрика. И разобрали бы его на кусочки. Шкура бы пошла на защитные амулеты. Кости и мясо, высушенные до состояния деревяшки и истолченные, – это порошок, который применяется по меньшей мере в тридцати заклинаниях. Ну а кровь... про кровь я уже сказал. Наш Быстрик – это сокровище, которое нужно охранять.

– Меня просто затошнило, пока ты перечислял эти ужасы. И голова заболела. Быстрик тоже расстроен и говорит, что люди – очень жестокая раса. Однороги никогда бы не стали делать из крови людей никаких напитков!

– Да не напиток это! – с досадой покачал головой Илар. – Колдовское зелье. Впрочем, какая ему разница? Люди самих людей не жалеют, что им существо с рогом на голове, бегающее на четырех ногах.

– И с хвостом! – добавила Анара и легонько дернула однорога за мускулистый хвост, которым тот щекотал ей пятку. – Перестань, шалун! Щекотно ведь!

– Слушай... когда караван ехал к городу, я видел однорога. Это не он был?

– Быстрик спрашивает: какого цвета была полоса на спине однорога?

– Хмм... золотистая такая!

– А у него не золотистая, – задумчиво сказала Анара, погладив спину магического существа, – у него вся серебряная. Он говорит – это его мама. Она его искала. Вернее, искала способ, как выручить его из плена.

– А теперь не ищет? – нахмурился Илар, вспомнивший о своих родителях.

– Он уже сообщил ей, что в безопасности и пока хочет побыть с нами, – безмятежно сказала Анара, потягиваясь как кошка. Дневное солнце просветило насквозь ее тонкое платье, у Илара учащенно забилось сердце и перехватило дыхание – как прекрасна его жена! Тонкая, но крепкая фигурка с небольшой грудью, гладкие бедра, тонкая талия... Ох, так бы и завалил ее прямо возле грядки!

Илар поднял глаза – Анара усмехалась, ее губы дрожали от сдерживаемого смеха. Укоризненно покачав головой, она сказала:

– Не сейчас. Ночью. Я предпочитаю делать это без посторонних глаз.

– Да я чего... я ничего! – как обычно, растерялся Илар, недоумевая: может, она и вправду умеет читать мысли?

– Не умею! – хихикнула Анара. – У тебя все твои мысли написаны на лбу! И не три лоб – все равно видно!

– Коварная! – Илар бросился на девушку, прижал ее к земле, схватив за запястья, а потом поцеловал. Когда они оторвались друг от друга, Илар внезапно спросил:

– Я могу научиться слышать Быстронога? Можно как-то сделать, чтобы я его слышал?

– Ты правда хочешь этого? – нахмурилась Анара. – Я знаю, как сделать, чтобы ты его слышал, но тебе это не понравится. И мне не нравится.

– И как же? – заинтересовался Илар.

– Ты должен выпить его крови. А он – твоей. И тогда что-то происходит, и человек получает способность слышать мысли однорога. Только не спрашивай – что происходит, как это делается. Я вообще услышала об этом способе, когда подслушала разговор родителей. Папа говорил, что можно «вылечить» тех, кто не слышит разговор нелюдских существ. Но для этого нужно выпить крови однорога. И еще что-то добавил, но я прослушала.

– Может, заклинание нужно какое-нибудь? – с еще большим интересом спросил Илар.

– Нет. Ничего. Никакого заклинания. Просто выпить полкружки его крови. А он – твоей. И все, ты будешь слышать его мысли, разговаривать с ним.

Илар возбужденно заходил по тропинке между грядками, закусив губу и прищурившись, как от яркого солнца. Вдруг остановился:

– Подожди! Ты сказала, что тот, кто выпьет крови однорога, может потом слышать, что думают животные? Точно?

– Ничего интересного нет в том, что они думают, – пожала плечами Анара. – Простые желания, простые мысли – есть, пить, совокупляться. Это даже не слова, это... это... не знаю, как назвать. Нечто среднее между мыслями и желаниями. Они ведь не думают, они хотят. Посылают образы. Вот и все.

– Вот и все. Вот и все! – снова забегал Илар. – И ты мне не рассказывала, что слышишь мысли животных!

– Ну... не рассказывала. А зачем? – удивилась девушка. – А что тут такого? Ну – слышу, и что? Ничего интересного. Вот с Быстроногом интересно общаться, а с овцой или коровой – нет! Так что случилось? Отчего ты так разволновался?

– Спроси у Быстрика, согласен ли он дать мне половину кружки крови?

– Он отвечает – не против, – погрустнела Анара. – Только тогда и тебе надо дать ему половину кружки крови. Больно будет. И неприятно. Ты готов терпеть боль?

– Готов! – тут же ответил Илар. – Сейчас, за кружками сбегая!

* * *

– Демон! Больно, однако! – Илар скривился, руку будто огнем обожгло. Острый нож рассек вену на руке, и кровь полилась в кружку тонкой струйкой.

– Ох, зря ты это затеял! Зря тебе рассказала! – Анара была сильно расстроена, и ее лицо будто потухло.

– Ничего, терпимо! – бодрился Илар, глядя, как стекает темная густая кровь. Казалось, будто это и не кровь вовсе, а ягодный сироп...

Кровь однорога выглядела по-другому – если присмотреться, она почему-то отдавала в бирюзу. Посмотришь под одним углом – красная, ярко-красная, посмотришь под другим углом – голубовато-зеленая, странная. И запах у нее был иной, чем у крови Илара.

Кровь у однорога пришлось брать Анаре, и девушка еле сдерживала слезы. Однако расстройство не помешало ей ловко ткнуть кончиком ножа куда-то возле уха Быстрика, отчего по его белоснежной с серебристым отливом могучей шее сразу потек ручеек крови, подхваченный глиняной кружкой, отмытой до скрипа трудолюбивой Устамой. Кухарка применяла для мытья посуды специальный мыльный порошок, который Легана покупала на рынке, добавляя потом в него какие-то травы. Смесь получалась пахучая и отмывала посуду дочища. В кухне всегда приятно пахло травами.

Наконец половина кружки была нацезана, порез Илара завязан чистой тряпочкой с добавлением специальной мази, изготавливаемой Леганой и Анарой, и теперь нужно было

приступать к самому колдовству. И побыстрее – Анара не знала, сколько времени отпущено, чтобы произвести обмен кровью. Вдруг всего несколько минут?

Анара держала в руках кружку с кровью Илара, он же сам держал кровь Быстронога. Девушка кивнула мужу, тот поднял кружку и, стараясь не думать о том, что пьет, несколькими глотками выпил соленую, почему-то горящую жидкость. Анара же влила содержимое своей кружки в пасть Быстроногу. Через пару секунд все было закончено.

Илар поставил кружку на чурбак, стоящий возле грядки, вытер рукой окровавленные губы и пожал плечами:

– Ничего не чувствую! Совсем ничего.

– Быстрик говорит – он тоже ничего не чувствует. Может, все-таки нужно было применить какое-то заклинание?

– Может быть, – снова пожал плечами Илар и посмотрел на солнце. Светило уже склонялось к закату, но стояло еще высоко. Илару вдруг сильно захотелось пить, а еще – у него задрожали ноги. Вероятно, после сегодняшней беготни. Устал! – подумалось ему.

Илар плюхнулся на землю возле грядки с таранкой травой и глубоко вздохнул – жарко! Развязал завязки рубахи и расслабился, глядя на жену. Та с беспокойством следила за его действиями, хотела что-то сказать, но Илар мотнул головой:

– Ничего, все нормально! Устал сегодня, набегался. Ничего со мной не прои-и-иссхо-о-о-дит...

Илару вдруг показалось, что язык стал большим, огромным и едва помещается у него во рту... голова закружилась, и стало немного подташнивать. Мир начал вертеться, встал на дыбы, и земля ударила Илара по голове. Еще несколько секунд он смотрел в небо, на Анару, почему-то беззвучно раскрывавшую рот, – он ничего не слышал и очень удивился тому, что жена вроде как что-то говорит, но ничего не слышать, попытался улыбнуться, успокоить супругу... и тогда сознание Илара погасло совсем.

* * *

– Очнулся! Наконец-то! Илар, мальчик мой, ты слышишь? Слышишь? Очнись!

– Тетя, он смотрит, смотрит!

– Смотрит... – Голос Леганы дрогнул, и старуха села на постель рядом с Иларом, щупая его руку. Кровь в жилах билась толчками – быстро, судорожно, рука была горячей, такой горячей, будто Илар целый день лежал на солнцепеке.

– Слава богам! – Голос Дарана дрожал, Илар с удивлением услышал, как тот отошел в сторону и всхлипнул. Даран никогда не плакал – что случилось, чтобы он вдруг начал всхлипывать? Какая-то беда?

– Что... случилось? – с трудом выговорил Илар, ощущая, как язык едва ворочается во рту, распухший, как полено. – Ты... чего-о... плачешь?

Илар попытался встать, но голова снова закружилась, и его едва не вырвало. Упал на постель и, дожидаясь, когда комната перестанет вращаться, повернул голову и попытался поймать взглядом тех, кто стоял рядом с постелью.

– Как я тут оказался? – Слова давались уже легче, хотя язык двигался с трудом. Голова стала проясняться, и комната остановила свой полет – стены перестали падать и пол перестал задирать кровать вверх.

– Как оказался? – устало переспросила Легана. – Я тебя перенесла, вместе с Анарой. Что же ты натворил, а? Анара, ну ты-то что наделала? Как ты могла?

– А что... мы наделали? – удивился Илар. – Ты загадками разговариваешь... Голова болит – не могу сосредоточиться. И кружится.

– Кружится? Непонятно, как ты вообще выжил! Кружится у него, понимаешь ли! – резко бросила Легана и почему-то вытерла глаза. – Даран, принеси ему попить. Разбавь воду соком, кислым.

– Так что случилось? – хрипло спросил Илар, у которого после слов Леганы сразу пересохло горло.

– Ты чуть не умер, – сухо ответила шаманка, принимая кружку из рук Дарана. – Обопрись спиной о подушку. Пей! Постой! Сейчас я кое-что подсыплю, ты сразу выпей, легче будет.

Шаманка достала из мешочка коричневого порошка, сыпанула хорошую щепоть, подумала секунду – добавила еще. Завязала мешочек, положила его на постель рядом с собой и протянула кружку Илару, полусидящему у стены:

– Пей! До конца пей!

Илар попробовал, сморщился от резкого запаха снадобья, затем, прищурившись, в несколько глотков выцедил лекарство. В желудке сразу запекло, но через минуту голова прояснилась, мысли собрались в комок и стало яснее ясного – что-то случилось, он виноват, каким-то боком тут замешана Анара, и... больше ничего Илар не помнил. Совсем ничего. Вот они сидят за столом, обсуждают поход во дворец. А потом провал. Чернота.

– Не помнишь ничего, да? – осведомилась Легана, нахмутив брови так, будто Илар спер у нее любимые тапки и выкинул их на улицу.

– Не помню. Так напомни! Что я такого натворил и при чем тут Анара?

– Кровь однорога пил?

Илара как по голове стукнули, и он вспомнил все, что было в саду. Вспомнил и встрепенулся:

– Ну и что? Ну – пил! Анара тут при чем? Что со мной было-то?

– Ты сколько выпил?

– Половину кружки.

– Какой?

– Ну... вот этой! – Илар показал на кружку, что стояла рядом с ним на постели. – А что такого?

– И он еще спрашивает! – фыркнула Легана. – Ты превысил дозу раз... раз... в двадцать! Если не больше! Анара слышала, как говорили ее родители, но только не знает, что у колдунов, настоящих колдунов, кружка другая! Ее объем меньше этой кружки! Она маленькая! Кроме того, перед обрядом вкушения крови однорога нужно подготовить организм! Поддержать его специальными снадобьями! И даже при этом получается только у каждого третьего, остальные или умирают от лихорадки, или сходят с ума! Ты выжил только потому, что являешься не обычным человеком, и даже не совсем человеком! Черного колдуна очень трудно убить, он живуч, как... как... черный колдун! Вот передаст свою магическую силу, тогда умрет, как обычный человек, а до тех пор убить его обычными средствами, ядами, например, почти невозможно! Кровь однорога в небольших количествах вызывает изменения в организме принявшего ее, открывает закрытые способности. Человек начинает слышать мысли животных и однорогов. Может разговаривать с ними. Но! Если выпить такое количество, какое выпил ты, – это... просто безобразие. Яд! Кровь однорога – яд! Никто из живых существ, вкусивших его крови, не может остаться в живых! Магическое существо! Эх вы... ну куда вы лезете, не зная, не спрашивая? Учиться вам надо! Анара, от тебя я такого не ожидала. Магические деяния нельзя совершать на основе слухов. Услышала что-то – и давай болтать. А он тут же попался. А если бы умер – как бы ты потом жила?

– Я бы не жила, – тихо пробормотала бледная как снег Анара.

– А вот этого не надо, – нахмурилась Легана. – В жизни все бывает... но речь не о том. Теперь тебе понятно, во что ты вляпался?

– Понятно, – поджал губы Илар. – Быстрик жив?

– А что ему делается?

– Пронесло его с твоей крови! – слышался голос Дарана. – Так давал жару – треск, похоже, даже соседи слышали! А вонища! Фффу-у-у! Теперь я знаю, что надо пить, если будет запор!

– Это только на однорога так действует, – отмахнулась Легана. – В общем, так: я сейчас пойду приготовлю тебе еще одно укрепляющее снадобье, а Устае скажу, чтобы похлебки тебе налила. Поесть надо. Да и помыться стоило бы... попахивает от тебя.

Илар слегка покраснел и тут же рассердился – дурацкая кожа всегда его выдает! Краснеет, как девчонка! Неужто обмочился, когда был без сознания? Вроде нет... наверное, рвало, вот почему дурно пахнет.

– Вставай, милый, я тебе помогу. Пойдем, я тебя отмою!

От такого предложения Илар никак не мог отказаться и через минуту уже шагал к колодцу. Там стояла большая деревянная колода с заранее налитой водой – в колодце вода ледяная, так что колоду наполняли заранее, чтобы она нагрелась на солнце.

Уже стемнело, но горизонт розовел, не желая сдаваться ночи. Ночной ветерок потягивал из-за забора, принося запахи вечернего города – дым очагов, запах жареного мяса и свежего хлеба. У Илара заурчало в животе, и он ускорил шаг – скорее помыться, и к столу!

Тихо, очень тихо скользнула из-за амбара серебристая фигура, похожая на огромную собаку или, скорее, на лесного абга, умеющего ходить совершенно бесшумно, как призрак. Илар остановился, дождался, когда голова с острым, как кинжал, рогом прижалась к его бедру, и спросил:

– Как ты?

– Со мной все в порядке, братец! Ты уже выздоровел? Я так испугался за тебя...

– Ты со мной говоришь?! Получилось?

– Получилось, братец, – усмехнулся однорог и ласково подтолкнул его лобастой головой. – Иди мойся... душок, как от тухлой курзы. Потом поговорим. Спасибо, что не умер.

– Я и сам не хотел! – хихикнул Илар и побрел туда, где в темноте его ждала Анара, набравшая воды из колоды в два деревянных ведра.

Глава 3

– Ты правда покончила бы с собой, если бы я умер? – Илар погладил спину Анары между лопатками, девушка вздрогнула и поежилась – по телу прошли мурашки. Это место у женщин очень чувствительно, особенно у тех, чья кожа тонка и шелковиста, как у Анары.

– Заморозил! – еще раз поежилась девушка и, завернувшись в тонкое одеяло, прижалась к боку Илара, сопя ему в плечо горячим воздухом из тонких, будто выточенных резцом гениального скульптора, ноздрей.

– Ты давай не уходи от ответа! – поджал губы Илар. – Правда или нет?

– Правда, – грустно подтвердила Анара. – Это ведь я была бы виновата в твоей смерти. Правильно Легана сказала: на меня будто что-то нашло! Как я могла так поступить, сама не знаю. Я бы не смогла жить после твоей смерти, каждый день думая о том, что погубила любимого человека.

– Ты это... брось такие разговоры! – сердито выпалил Илар, садясь на постели. – Так нельзя! Даже если со мной что-то случится, ты должна жить! Должна, и все тут! Слышишь?

– Слышу, – тихо сказала Анара, глядя в потолок своими странными огромными глазами, – только это не от меня зависит. Я знаю, что, если ты умрешь, я умру следом – через неделю, через месяц. Просто умру, и все тут. Мы с тобой связаны, ты – часть меня. И я не смогу жить без тебя. И давай больше не будем на эту тему говорить, хорошо? Я расстраиваюсь, и мне хочется плакать... Давай о чем-нибудь хорошем поговорим?

– О чем? – еще сердито спросил Илар, укладываясь в постель и обнимая теплое, упругое тело жены. – Что-то мало веселого в последние дни. Одни проблемы...

– Да перестань ты... – улыбнулась Анара. – Столько хорошего вокруг! Мы живы, здоровы, все идет хорошо! Сад растет, все наши сыты, одеты, обуты, ты развиваешься как колдун, тебя приняли в Орден! Ты хорошо зарабатываешь и будешь еще больше зарабатывать! Мы построим хороший дом, в котором будет место всем! И Легане, и Дарану, и Быстрику, и Устаме! И нашим детям!

– Кстати, ты, это... еще не... – запнулся Илар.

– Нет. Рано. Мы умеем управлять своими способностями к деторождению. Ребенок появится только тогда, когда я буду уверена, что наше положение крепко и непоколебимо. Но... если ты хочешь... я могу снять запрет прямо сейчас. И тогда...

– Нет, – заторопился Илар, – ты права, совершенно права! Нужно пока устроить свою жизнь, а уж потом...

– Да, верно... – бесцветно сказала Анара, Илар кивнул и вдруг почувствовал досаду, будто он сделал что-то не так. Вероятно, жена надеялась, что Илар ответит совсем по-другому... И ему стало грустно.

* * *

Илар потянулся, ругнул себя за то, что ведет себя за столом, как грузчик в трактире. Мама всегда его ругала за подобное: «Не потягивайся!», «Не говори с набитым ртом!», «Не откусывай слишком большой кусок!», «Не рыгай, как стражник с Верхнего рынка!» – и еще много разных замечаний. Очень много...

Покосился на Дарана, сметающего с тарелки гору, состоящую из рагу и свежих овощей, подивился: «Сколько еды влезает в эту мелкоту! И как помещается? Куда он вообще все это деваает? И не толстеет ведь!»

Через пару минут тарелка мальчишки была уже пуста, и он старательно вытер ее кусочком лепешки.

– Даран, я сколько раз тебе говорил – нельзя вытирать тарелку лепешкой, – укоризненно покачал головой Илар. – Это нехорошо, так воспитанные люди не поступают! Еды у нас хватает, зачем ты каждый раз это делаешь?

– Не знаю, – смущенно пожал плечами мальчишка, – привык я так. Еды всегда было мало, и я берег каждый кусочек. Мне всегда хотелось есть, всегда... Один раз не выдержал и украл лепешку с кухни. Хозяин заметил и так меня выдрал плеткой – вся рубаха в крови была. Только я все равно воровал. Есть-то хочется! Я деньги не воровал, это нехорошо, а еда... ведь люди должны делиться едой, правда?

– Хмм... наверное, да, – глухо сказал Илар, сжав руку в кулак. Как бы он хотел увидеть этого самого трактирщика! Тот после встречи изошел бы на дерьмо и не остановился бы, пока не сдох. В этом Илар был уверен. Он сделал себе зарубку в памяти – если когда-нибудь окажется в тех краях, откуда забрал Дарана, обязательно сотворит что-нибудь гадкое с этим трактирщиком. Что-нибудь особо гадкое, неприятное. Наказание за все годы страданий несчастного мальчишки...

Задумавшись, Илар не услышал, как его позвала Легана. Она с утра уже сидела в лавке, – сегодня, как нарочно, с самого рассвета шли люди. Со слов шаманки, приходили с десятков человек, изрядно пополнив казну лавки травников.

– Илар! Очнись! – Легана потрясла парня за плечо, и он испуганно вскинул голову:

– Что?! Что случилось?

– Да... ничего. Клиент пришел. Хочет поговорить с колдуном. Ты как, в силах после вчерашнего?

– В силах, – облегченно вздохнул Илар. – Прими его там, я сейчас оденусь поприличнее и выйду.

– Оденся, – хмыкнула Легана, окидывая взглядом Илара, одетого в старую рубаху, застиранную до бесцветности, и такие же штаны. Это была та одежда, которую Илар взял из дома, когда бежал из семьи. Почему-то именно в ней ему было особенно хорошо. Когда Илар надевал ее, его согревала мысль, что рубахи и штанов касались руки мамы...

Илар даже не подозревал, что будет так тосковать по родителям. Казалось – что такого? Он уже взрослый человек, а взрослый человек самостоятелен, родители... ну что родители – у них своя жизнь! Но иногда так хотелось поговорить с матерью, с отцом, выслушать их наказания и упреки – не со зла упреки, а только ради того, чтобы ему было хорошо, чтобы он надел шапку («не застуди голову!») или поскорее уселся за стол, потому что обед должен быть в строго определенное время – так положено в правильных семьях! Хочется услышать их голоса, впиться зубами в пирог – самый вкусный пирог на свете! – который печет его папа. Дурак он был, что сбежал и бросил семью. Или не дурак? Если бы не сбежал – не спас бы Легану и Анару, не спас Дарана и Быстрика, не влюбился бы, не... в общем, не было бы всего, что составляет сейчас радость его жизни. Нет, все-таки что боги ни делают, все правильно. Не понять их замысла, сколько ни старайся. Все так, как оно должно быть.

Легана исчезла в дверях, Илар встал, осмотрелся – в кухне он один, если не считать Устаму. Даран тоже куда-то сбежал – испарился, будто капля воды на раскаленном камне. Анара с Быстриком в саду, однорог любит смотреть, как девушка ухаживает за растениями. Пора и ему, Илару, идти работать...

* * *

Мужчина сразу не понравился Илару. Тонкие, поджатые губы, глубоко запавшие глаза. Взгляд мужчины буравил собеседника. Казалось, клиент подозревал всех окружающих, будто

они только и думали, как обокрасть, обмануть его – одного из самых уважаемых людей в городе, известного и родовитого господина. Представляясь, он так и охарактеризовал себя – «уважаемый, известный и родовитый». И надо этому родовитому человеку только одно – чтобы колдун, о котором слышал господин, поднял со смертного ложа покойную бабушку господина и потребовал рассказать, куда вредная старуха спрятала свой сундучок с фамильными драгоценностями.

– Вы в состоянии узнать, где находятся сокровища? – мужчина снова поджал губы и вперился в Илара бесцветными глазами.

– Скажите, кто вам про меня сказал? – осторожно осведомился Илар, не отвечая на вопрос. – Откуда вы знаете, что я умею поднимать мертвых?

– Это к делу не относится, – нахмурился мужчина, – совсем даже не относится. Вы должны сказать, будете ли заниматься этим делом, и назвать свою цену. А что и откуда я узнаю – это мое дело. Повторю, я известный в городе человек с большими связями при дворе! Меня знает сам император! Так вы будете работать в конце концов или будете бессмысленно сотрясать воздух? Мне некогда заниматься пустопорожней болтовней!

Илар внезапно почувствовал, как в его душе закипает гнев. Да какое право имеет этот человек так с ним разговаривать? Набрал в грудь воздуха, чтобы выдать гневную тираду, но тут же наткнулся на взгляд Леганы. Та смотрела на него не мигая, а затем легонько покачала головой, мол – аккуратнее, терпи! Илар как-то сразу успокоился и решил: раз так, потерпим. Но... погоди! Я тебя слегка осажу, «уважаемый, известный и родовитый»!

– Какова стоимость того, что я должен найти? – сухо осведомился он.

– Какая разница? – так же сухо ответил клиент, бросив быстрый взгляд на колдуна. – Зачем вам знать?

– Затем, что от этого зависит стоимость моей услуги, – пожал плечами Илар. – Я могу поднять вашу старушку, и она расскажет, куда делись сокровища. Но я не буду работать бесплатно.

– Я и не заставляю работать бесплатно! Я вам дам... двадцать золотых! Это большие деньги, – мужчина с превосходством посмотрел на «щенка», который якобы является черным колдуном.

– Еще раз – какова стоимость сокровищ? – нахмурился Илар, глядя в сторону, где у полков с травами копошилась Легана. Он был уверен, что та слышит все до последнего слова.

– Я дам вам столько, сколько сказал! – Мужчина выдвинул вперед челюсть и презрительно посмотрел на Илара. – Это и так много! Ни один колдун не берет столько!

– Так ни один не умеет разговаривать с покойниками, – парировал Илар. – Тысяча.

– Что?! Да ты обнаглел, колдунишка! – вспыхнул мужчина. – Я тебя в порошок сотру! Я тебя в суд! Да я тебя...

– Тысяча золотых, и не монетой меньше, – жестко сказал Илар. – Торга не будет. И повежливее, не со своими слугами разговариваете! Еще минута – и сумма будет удвоена.

– Да я сюда больше не приду! Никогда! Наглец! Обойдусь и без тебя! Но ты еще обо мне услышишь! Заплачешь горькими слезами, а будет поздно! – Мужчина вскочил и бросился к двери, зашипев, как дикая кукуруза. Толкнул ногой дверь, та ударилась о стену с таким грохотом, будто с крыши скатили пустую бочку.

Карета с серебряным вензелем на дверце закрипела, хлопнул кнут, зацокали копыта всадников сопровождения, и надменный господин исчез из жизни Илара. На время или навсегда – этого колдун не знал.

– Здорово! Как ты его! Он просто подпрыгнул, когда ты ему про тысячу золотых! – радостно завопил Даран. – Интересно, вернется?

– Не знаю, – хмыкнул Илар. – Может, да, а может, нет. Как думаешь, Легана, вернется?

– Если никого другого не найдет, вернется. Только вот что – тысячу ты с него не получишь. Поспорим?

– Поспорим! – ухмыльнулся Илар. – Даран, будь свидетелем спора!

– А на что спорите? Что в закладе? – азартно осведомился мальчишка. – Что ставите?

– Если я проиграю – залезу на стол и трижды прокричу как лошадь! Если она проиграет – сделает то же самое! Согласна, Легана? – хитро прищурился Илар.

– Согласна, – улыбнулась шаманка. – Даран, свидетельствуй!

– Я свидетельствую, что возник спор между Леганой и Иларом по поводу того, получим ли мы от того богача, согласно договору по сделке, тысячу золотых или нет! Проигравший влезет на стол в столовой и трижды проржет лошадью! Спор начат!

– Проиграешь ведь! – весело усмехнулся Илар.

– Нет. Заметь, как сказано: «Тысячу золотых по договору» – то есть он должен сам или через посредника отдать тебе золотые на ту сумму, что ты сказал. Если он обманет или попытается избежать оплаты – значит, ты не получил эти деньги. Понятно?

– Понятно. – Илар был слегка обескуражен и, раздумывая, посидел молча с минуту. – Так вот что ты задумала! Думаешь, он попытается нас обмануть? Не заплатит?

– Уверена. Обманет. Вернуться-то вернется, похоже, его сильно приперло с деньгами, раз он сюда пришел, но вот расплатиться он не расплатится. Посмотришь.

– Нет. Я так не согласен! Если сумею выбить из него деньги, пусть и со скандалом, – спор исполнен.

– Ну конечно! – усмехнулась Легана, секунду подумав. – Ты отберешь у него деньги, напустив на него злое заклятие, и это тоже будет считаться исполнением спора? Не согласна.

– Тогда ситуация безвыходная, и спор не состоялся, – вздохнул Илар.

– Да, не состоялся. – Легана тоже вздохнула.

– Ну вот! – расстроено фыркнул Даран. – Это вообще-то нечестно! То спорим, то не спорим! Безобразие! Я так не согласен!

– Не согласен – пиши протест императору, – предложил Илар, хихикнул и, поймав Дарана, начал щекотать его. – С чем ты там не согласен, а? Ну-ка! Говори! Мучить буду!

– А-а-а! Тетя Легана! А-а-а! Какое коварное нападение! Злобный черный колдун истязает доброго, хорошего мальчика! А-а-а! Тетя Легана, сделай ему клизму кипятком!

– Почему это кипятком? – Илар от неожиданности выпустил мальчишку, и тот, отбежав в сторону, показал ему язык:

– Потому! Чтобы не мучил детей! Пойду к Ане помогать с травой! Так интересно! Она пошевелит руками, и они вдруг прорастают... травы эти! Хотел бы я так уметь... тетя Легана, а можно научиться так растить траву? Я бы мог научиться?

– Это древняя магия, – ответила Легана, стирая улыбку с лица. Шаманка с удовольствием смотрела, как возятся двое парнишек. Дети играют – сытые, здоровые, веселые. Что может быть лучше?

– Этой магии невозможно научиться, – продолжила она, сделав серьезное выражение лица. – Только древняя раса владеет искусством управлять ростом растений, выращивать то, что нужно. Анара умеет вырастить растение с теми свойствами, какие ей нужно, от той болезни, какую нужно вылечить. Как она это делает? Я не знаю. Никто не знает. Кроме людей древней расы.

Легана помолчала и тут же, без перехода, сказала:

– Илар, нужно продолжать изучение заклинаний. Ты должен знать, какими заклинаниями умеешь пользоваться. В последние дни мы с тобой отставили это дело, но нужно заниматься!

– Нужно, – вздохнул Илар и потер глаза, – только я стал бояться, понимаешь? После того случая, когда вызвал огромного огненного жиздра... тогда он чуть нас не сжег. Мне страшно. А если я как-нибудь вызову такое, с чем не смогу справиться? Ты не думала об этом?

– Думала, конечно, – тоже вздохнула Легана. – Но пришла к выводу, что стоит рискнуть. Понимаешь, какое дело... без риска колдуна не бывает. Такого, как ты, возможно, больше нет – тебе досталась великая мощь, о которой другие только мечтают, такие умения, какие недоступны другим колдунам. Да, опасно работать с неизвестными заклинаниями, даже не предполагая, как они подействуют. Но знаешь, на что у меня надежда? Ты удачлив. Ты невероятно удачлив! Скажешь, нет? Ты должен был вчера умереть от ядовитой крови однорога, но ты выжил. Ты уже множество раз должен был умереть – от руки грабителей, от неправильно сработавшего заклинания, от... от многого! Но ты выжил, и каждый раз обращаешь беду в свою пользу. Ты счастливчик. Боги почему-то дали тебе невероятную удачу, так используй ее в полной мере! Было бы просто глупо не использовать свое везение. Не знаю, куда это тебя заведет, но, если верить Анаре... – женщина осеклась и замолчала.

– Куда заведет? Что сказала Анара? – переспросил Илар, но Легана лишь покачала головой. Потом добавила:

– Анара предсказала – все будет хорошо.

И только тогда Илар отстал.

Остаток дня прошел спокойно и без происшествий. Легана сидела в лавке, торговала травами и принимала больных, тут же, на месте, изготавливая отвары и снадобья. Анара с Дараном копались в огороде, Устама готовила очередной обед и ужин, нещадно громяхая котлами и кастрюлями. Илар же спустился вниз, в подвал, туда, где можно было колдовать, не боясь, что пришибешь кого-нибудь случайным смертельным заклинанием.

Илар не хотел никого убивать. Он даже настоял на том, чтобы Легана больше не сажала в специальную клетку внизу кур из курятника. Колдун пробовал на курах смертельные или просто опасные заклинания, но смотреть, как куры умирают в муках или разлетаются в клочья, для Илара оказалось невыносимо. Он никогда не был злым парнем и никогда не мучил животных и птиц. Даже если это были всего лишь безмозглые куры. И особенно мучительно стало убивать их теперь, когда начал слышать их мысли.

Да, теперь Илар слышал не только Быстрика. Он воспринимал мысли всех животных. И не был от этого счастлив. Мыслеобразы кур, мышей, птичек, скачущих по веткам в саду, лошадей, тянущих повозки мимо дверей лавки, – все лезло в голову, и та распухала, как вздувшийся от забродившего сока плод гуара.

К концу этого дня Илару казалось, что вместилище разума разлетится на части, стоит только его крепче сжать. Затылок ломило, виски трещали, лоб пульсировал болью – в который раз Илар пожалел о том, что с собой сделал. Зачем ему знать, что лошадь устала, ей жарко и хочется пить? Или что вон та птичка мечтает схватить бабочку, но боится однорога? Или знать, что мышь собирается притащить в норку кусок лепешки, завалившийся за стол, и при этом думает о мышатах?

Голова Илара, казалось, разламывалась, но он никому не жаловался. Почему? Возможно, не хотел, чтобы домашние беспокоились, а скорее всего потому, что ему было стыдно, – ну как же, очертя голову кинулся в неизвестное дело, как мальчишка, как глупый щенок, который тычет носом лесного урга и потом с визгом сбегает, получив «украшение» в виде венчика из острейших иголок. Была надежда, что с головой чуть позже все будет в порядке, а пока нужно научиться не обращать на мыслеобразы никакого внимания.

Илар открыл Асмунг, он же книга заклинаний, нашел страницу, на которой остановился в прошлый раз, прочитал:

«Острый Иргуз». Это заклинание укрепляет клинок, и оный клинок не тупится долгое время, и сломать оный клинок трудно, хотя и возможно другим заклинанием. Предупреждение: данное заклинание относится к восьмому кругу и при неосторожном обращении может опалить колдуна огнем преисподней».

Илар хмыкнул, сморщился, потер лоб и с отвращением посмотрел в Асмунг – что он ему приготовил в очередной раз? Что за демонов «огонь преисподней»? Что за хрень такая?

Подумал, поразмышлял, отложил книгу и пошел наверх, в кухню, за ножом. Надо же проверить заклинание? Хороший нож жалко – взял какой-то старый ржавый тесак с обломанным кончиком. Видать, кто-то пытался этим ножом поднять половицу и сломал конец ножа. Задумался – а что за половица, которую должен был поднять нож? Случайность? Или в доме есть тайник?

Отбросив лишние мысли, спустился в подвал и отнес нож в комнату, укрепленную железными листами, – эта комната досталась Илару от прежнего владельца, колдуна. Похоже, что тот занимался разработкой новых заклинаний, а ведь даже мальчишке, едва научившемуся говорить, известно, что изготовление новых заклинаний смертельно опасно. Кто знает, что получится, если поставить вместе некие сочетания слов, звуков, пассов? Вдруг это самое заклинание убьет его исследователя?

Чтобы создать две сотни заклинаний, существующих на свете, всем колдунам всего мира понадобилось много тысяч лет. Каждое новое заклинание стоит огромных денег и обычно входит в обиход всех колдунов только после того, как хозяин заклинания умирает и его Асмунг переходит наследникам. Впрочем, и тогда заклинание может не достаться широкому кругу волшебников – наследники могут посчитать, что этого делать нельзя, что они сами найдут применение волшеббе. И находят...

Случай с Иларом был совсем не ординарным, скорее даже исключительным, по одной простой причине – заклинания, которые он исследовал, уже существовали, не нужно было их придумывать. Единственное, что надо было сделать, – выпустить заклинание в мир и посмотреть, каков будет результат.

Опасно, да. Но Илар с Леганой заметили некую закономерность, вернее, Илар ее заметил, за что Легана его похвалила, так вот: если заклинание производило непредсказуемый эффект, то результат заклęcia по уровню вмешательства в мир был примерно схожим с ожидаемым результатом. То есть если ты выпускаешь заклинание восьмого круга, то результат тоже будет восьмого круга – не будет страшных разрушений, не будет землетрясения, не сдвинется гора. И даже дом не взорвется, если ты скажешь эти странные слова, якобы укрепляющие стальной клинок.

Впрочем, Илар знал, что нет правил без исключений. Потому, когда он «впитывал» слова заклинания, по коже его проходил холодок. Кто знает, что будет, когда выпустит волшеббу в мир? Вдруг сейчас земля затрясется, провалится, и его утащат демоны, с рычанием и визгом вырвавшиеся из-под земли?

Что последует на этот раз, узнать можно было одним-единственным способом – попробовать поколдовать.

Заклинание укладывалось медленно – сравнительно медленно. Илар уже как-то привык, что обычные, простые заклинания впечатываются в память быстро, достаточно бросить взгляд. Все-таки уже натренировался, развил способности. Не первое заклинание, которое он наколдовывает. Однако именно это заклинание уложилось за минуту – долгий срок.

После того как заклинание легло в память, Илар испытал что-то вроде... нет, не толчка, а... трудно передать словами – чувства наполнения, что ли. Как будто он только что прожевал и проглотил кусочек мяса.

Каждый колдун мог загрузить в память определенное количество заклинаний. Самые сильные колдуны – до двадцати заклинаний и даже больше. Слабые – два-три заклинания. И это еще при условии использования гирикора – магического амулета, служащего для концентрации магической силы колдуна!

Илар был сильным колдуном. Но у всех свой предел. Как человек не может съесть больше, чем умещается в его желудке, так колдун не может заложить в себя заклинаний

больше, чем помещается в его памяти. Более того, через некоторое время заклинания стираются из памяти, растворяются в ней, и требуется новая загрузка. И опять же – длительность удержания заклинаний в памяти зависит от силы колдуна.

Ржавый тесак с треснувшей деревянной ручкой лежал на табурете перед Иларом. Широкое лезвие, слегка сточенное посередине от многочисленных встреч с точильным бруском, отполированная ладонями рукоять, темная от времени и въевшихся в нее грязи и сажи, – в последнее время Устама использовала этот выдававший виды клинок для чистки котлов и пригоревших сковородок. Лезвие давно уже перестало быть острым, поэтому Илар задумался: что означают слова о том, что клинок постоянно будет острым? Заклинание заточит его? Или оно поддерживает остроту ножа в том состоянии, в котором лезвие находилось в момент заклания? В любом случае ответ на вопросы могло дать только испытание заклинания.

Илар прикрыл глаза и начал выпускать заклинание в свет. Как всегда при волшбе, у него почему-то занули зубы. Легана говорила, что такое бывает, и нередко, но у всех по-разному. У нее, например, когда она колдовала, почему-то чесалась правая лопатка, будто на нее уселся москит. Все время хотелось его сбросить, прихлопнуть, но, стоит потерять контроль над заклинанием, и... в общем, не надо терять контроль над заклинанием, если хочешь, чтобы эта самая лопатка оставалась приделанной к туловищу.

Через несколько секунд в комнате почему-то запахло розами – сильный, даже резкий запах забивал ноздри, он становился удушливым, будто кто-то выжал масло из десятков тысяч розовых лепестков и забрызгал этим маслом комнату, предварительно подогрев его до кипения. Илар старался не обращать внимания на запах, и в конце концов это ему удалось – заклинание вышло в мир так, как и должно было выйти.

Вот только эффект от заклинания, как и предполагалось, был неожиданным: ржавый нож, засаленный и щербатый, вдруг засветился так, что стало больно глазам, потом мгновенно потемнел до черноты и через секунду снова стал белеть. Минута, и нож стал серебряным, вернее, приобрел серебристый оттенок.

Илар наклонился над ножом и облегченно вздохнул – не случилось ни пожара, ни землетрясения, ни потопа – ножик всего лишь стал серебристым, всего-навсего!

Хохотнув, Илар откинулся на спинку стула, обожженного в результате прошлых исследований, и, задумавшись, стал разглядывать нож. Щербина у рукоятки осталась прежней... кончик тоже не отрос, что изменилось? Цвет? Больше ничего?

Подождав для верности минут пять (пусть остынет!), Илар протянул руку и дотронулся до рукояти. Та оказалась холодной, такой холодной, что колдун едва не отдернул руку. Похоже было, что этот нож несколько часов лежал на крутом северном морозе.

Илар пожал плечами – вот тебе и пламя преисподней! Какое там, к демонам, пламя, руки от холода сводит! Прикинул нож на вес – ничего не изменилось. Цвет поменял, и все тут. Потрогал лезвие – оно стало очень скользким, словно мыльным... в зеркальной плоскости отражалось лицо Илара, искаженное, растянутое.

Посмотрелся с минуту, удивился – какого демона они нашли в его физиономии? Они – это женщины! Никогда не считал себя красавцем! Да и как-то неприятно это самое дело... почему? Да кто знает? Неприятно, и все тут! Мужчина должен быть мужественным, а не красавчиком! В их компании считалось, что быть красавчиком позорно, главное – сила, крепость, умение кулаками отстоять свою независимость, свое мнение. Илар не отличался силой, но был ловким, вертким, а еще упорным, как клещ, – если вцепился, не отпустит, пока жив.

Взял нож покрепче за рукоять, проделал несколько фехтовальных движений – неуклюже, но энергично, как все дети, изображающие фехтование. Получалось отвратительно, но Илар и не собирался выступать на состязаниях по фехтованию. Никогда у него не было желания становиться воином – ну что хорошего в том, чтобы долгие месяцы, а то и годы учиться размахивать острой железкой, а потом в конце концов получить эту железку себе в брюхо? Нет,

он допускал, что владение оружием совсем неплохая штука, – вдруг придется защищаться от тупоголового солдафона, желающего лишить Илара разума вместе с головой? Но посвятить овладению оружием всю свою жизнь? Нет уж, избавьте боги от такого удовольствия!

Отец пытался учить Илара кое-каким приемам фехтования, но, убедившись в неспособности ученика, а более того, – в нежелании оного овладевать приемами боя, плюнул в сердцах и сказал, что лучше бы у него была дочь, тогда бы хоть можно было найти оправдание такому отсутствию боевого духа.

Вот тут отец был неправ – боевого духа у Илара хоть завались, а желания стать профессиональным военным никакого. Разве это порок? Ну не хочет он убивать других людей и быть в конце концов убитым или искалеченным! Не к тому тянется у него душа! Отца-то можно понять – огромного роста, могучий, сильный, как бык, опытный и умелый вояка, – не зря его поставили уснаром городской стражи. Когда Шаус заходил в трактир, замолкали все, даже самые буйные пьяницы и дебоширы. Так вот Шаус считал, что быть воином – дело уважаемое. И желательное для мужчины. Если не считать пекарского дела, конечно.

Да, хороший пекарь на весах Шауса перевешивал хорошего воина. Драться можно научить каждого, а вот ты попробуй испеки пироги, славящиеся на тысячи ирр от пекарни! Такие, чтобы радовали глаз! Чтобы услаждали живот, не вызывая его расстройства! Чтобы не оставляли во рту привкуса того масла, которым солдаты смазывают сапоги!

Шаус сам не замечал противоречия в своих доводах, но, когда пытался настаивать на том, чтобы Илар изучал военное дело, наткнулся на упорное сопротивление сына и еще более упорное сопротивление жены, считавшей, что Илар достоин более высокой судьбы, чем судьба солдафона, марширующего в толпе таких же неудачников. От Илара отстали.

Но, как человек увлекающийся, прочитавший множество книг, которые мама захватила с собой из столицы, из отцовского дома, Илар любил представлять себя одним из тех великих воинов, которые описаны в этих книгах. Тем более что, когда он пересказывал эти книги мальчишкам, с которыми водил дружбу, иногда ему приходилось изображать в лицах то, о чем он рассказывал. Так почему-то получалось убедительнее, интереснее. Вот и сейчас он представил себя Гедеором Великим, победившим дракона, летающее чудовище, похитившее прекрасную Каруну.

Кстати сказать, Илар всегда задумывался: а на кой демон этим самым драконам прекрасные девицы? Насиловать?

Ну, во-первых, у дракона должно быть такое мужское достоинство, что несчастная Каруна лопнет, забрызгав стены пещеры нечестивца. Размеры-то дракона ого-го какие!

Во-вторых, какого демона ему насиловать эту девицу, ведь для него она уродка! Как для человека, например, старая плешивая ослица, увешанная репьями и присохшим дерьмом.

Если бы дракон своровал эту девицу, чтобы сожрать, это Илар бы счел вполне разумным объяснением. Так нет! Судя по книгам, тот держит ее где-то там в пещере или в башне месяцами, ожидая, пока какой-то придурок соберется наконец прийти и напасть на хозяина убежища.

Тут тоже был вариант – может, это ловля более вкусных объектов на приманку? А что, ходят себе герои и ходят, а он их жрет и жрет. А Каруна тем временем делается толстой, сытной, есть что положить на зубок!

Еще только начав читать эти книги, Илар как-то спросил у матери по поводу таких несуразностей, описанных в книгах, – мать долго смеялась, до слез, потом утерла глаза кружевным платочком и сказала, что нельзя все эти истории воспринимать всерьез. Во-первых, никаких драконов в мире нет, это выдумки писак, создавших роман, а во-вторых, в виде дракона тут изображаются жизненные невзгоды, беды, от которых главный герой и спасает героиню.

И за это она ему очень благодарна, что и выказывает в конце романа. Это такой прием писателя, понимаешь ли.

Какой такой прием – Илар так и не понял, но решил позднее, как вырастет постарше, обдумать этот вопрос. Времени на обдумывание не нашлось, но тяга к представлению в лицах того, что Илар прочитал, осталась.

– Сдавайся, нечестивое чудовище! – громко продекламировал Илар. – Пред тобой великий воин Гедеор! Я снесу твою рогатую башку, на которую нагадили птицы курла!

Про нагадивших птиц Илар обычно добавлял специально для уличных мальчишек. Почему-то описание дракона с кучей дерьма на голове всегда вызывало у них приступ неконтролируемого смеха, от которого мальцы по минуте валялись в пыли у поленницы дров на заднем дворе трактира – любимом месте сборищ местных мальчишек.

– Не сдаешься?! Глупое создание преисподней! Тогда получи доброй стали от настоящего воина!

Чего доброго в этой самой стали, Илар тоже не знал, но, памятуя смех матери, переспрашивать не стал. По большому счету, какая разница – добрая или злая сталь, если ею можно выпустить кишки человеку или дракону?

Выпад! Удар! Стул, изображавший эпическое чудовище, не мог уклониться от ударов «великого воина», потому получил в спинку хороший рубящий удар, такой, что, будь этот тесак обычным тесаком, он бы оставил на дубовой спинке глубокую зарубку – Илар врезал им от души.

Но зарубки не получилось. Тесак прошел через спинку, будто ее никогда не было, и кусок выдержанного старого дуба отлетел к стене, ударившись о лежащие здесь пустые горшки и надколотые кувшины.

Илар остановился, ошеломленный, испуганный, и с опаской посмотрел на то, что держал в руке, – серебристо-зеркальное «недоразумение», бывшее когда-то заурядным тесаком. Подошел к стулу, понюхал срез спинки – от того шел запах паленого дерева, плоскость среза черная, обугленная, будто кто-то прижег ее раскаленным докрасна металлом. Оглянулся по сторонам, увидел черенок метлы, прислоненный рядом со здоровенным треснувшим кувшином, зачем-то сохраненным прежним хозяином, взял этот черенок в левую руку, в правую клинок, который уже язык не поворачивался назвать кухонным тесаком, и, слегка прищурившись (на всякий случай!), рубанул поперек палки.

Чик! Вспышка пламени, дым, обугленный конец черенка – кусок его полетел на пол.

Чик! Чик! Чик! Подвал заполнил дымок от сгоревшего дерева, а в глазах начали вертеться красные круги от вспышек пламени. Через несколько секунд в руке Илара остался жалкий огрызок палки.

Колдун сел на стул, поморщился от вонючего дыма и поднес нож к глазам, пытаясь рассмотреть край лезвия. Само собой, ничего особенного он не увидел – тупое лезвие со шербинками, вот только серебристое, блестящее, будто отлитое из куска серебра и отполированное.

Протянул палец к лезвию, попробовать остроту... и остановился. Нет уж, не такой он дурак, чтобы пробовать! Уже – не такой дурак...

Встал, несколько раз взмахнул ножом в воздухе, – тесак как-то удобно лег в руку, так удобно, что и отпускать не хотелось. Прodelал несколько фехтовальных упражнений – те, которые когда-то показывал ему отец и которые у него никак не получались, – все получилось! Нож помог? А что, почему бы и нет? Музыкальный инструмент-артефакт ведь позволяет сделать из посредственного музыканта гения, управляющего толпой! Почему бы заколдованному ножу не сделать его гением фехтования? Смешно только – выйти на бой с кухонным тесаком! Впрочем, в серебристой штуке сейчас вряд ли кто признает пресловутый ржавый тесак в полруки длиной.

Снова осмотрелся по сторонам – на чем бы еще попробовать? Не нашел ничего лучшего, как ткнуть ножом в кувшин у стены. Нож завизжал, как пила лесоруба, пытающаяся перегрызть твердый сучок, пошел гадкий дым, нож не очень быстро, но уверенно погрузился в сосуд. Закаленная глина кувшина раскалилась добела вокруг клинка, потекла и с шипением вонзилась в пол рядом с башмаком Илара, судорожно отдернувшим ногу от опасного кусачего ручейка.

Илар ухмыльнулся и, подойдя к кирпичной стене, продолжил исследование ножа, загоняя его в каленый кирпич по самую рукоять. На месте уколов оставались оплавленные дыры, такие, будто он вбивал нож не в кирпичную стену, а в застывшее сало.

Следующим этапом было испытание ножа на металле. Найти стальной прут в подвале не получилось, зато после долгих поисков Илар нашел в углу старый лодочный якорь, покрытый ржавчиной, у него не хватало одной «лапы». Как якорь сюда попал – предположения строить можно любые, но истина все равно останется скрытой. Скорее всего, якорь остался от тех людей, что жили здесь еще до колдуна, от которого перешла Илару колдовская сила. Якорь был покрыт толстым слоем ржавчины и полузасыпан землей, просто врос в нее за те сотни лет, что пролежал на одном месте.

Выворотить корявую железяку оказалось непросто, но после нескольких минут пыhtения и пачканья ладоней Илар все-таки выволок якорь на свет фонаря к середине подвала. Немного помедлил, взял в руку тесак, размахнулся и...

Искры! Пламя! Вонь!

Рука онемела от удара, но одной из лап как не бывало – чисто, как будто рубил не толстенный металл, а тонкую, сочную лозу.

Илар отошел к стулу, сел на него и снова начал рассматривать то, что получилось в результате эксперимента. Минут пять созерцал, размышлял и пришел к одному-единственному выводу: или он станет очень богат, или ему снесут башку.

* * *

– Это именно то заклинание, о котором я думаю? – недоверчиво переспросила Легана. – Ты не ошибся?

– Я не ошибся, – хмыкнул Илар и, подняв взгляд на шаманку, с кривой усмешкой переспросил: – Никак не привыкнешь, что у меня все получается не так, как должно быть?

– Никак не привыкну, – призналась Легана. – Каждый раз ты выдаешь что-то такое, что не укладывается в голове. Ты хоть понимаешь, что сейчас сделал?

– Я не понимаю, что сейчас сделал, – с кислой физиономией пояснил Илар. – Но я догадываюсь, что у меня получилось.

– Я не так выразилась, – поправилась шаманка. – Ты понимаешь, что будет, если ты начнешь массово делать такие клинки? Сколько времени у тебя ушло на изготовление этого?

– Да минут десять, не больше, – пожал плечами Илар. – Пока загрузил, пока выпустил заклинание...

– И получил легендарный Меч Преисподней! – закончила Легана, заливаясь радостным смехом, больше похожим на скрип несмазанной дверной петли.

– Какой еще Меч Преисподней? – оторопело переспросил Илар. – Никакого меча я не делал! Взял старый тесак и заколдовал!

– Ты не читал «Истории о сыне богов Лидапутре»? Читал? Помнишь, у него был меч – он сражался им с демонами? Как назывался? Меч Преисподней! А что умел делать этот меч? «Рубил металл, как воду, исторгая снопы искр и пламя Преисподней! Рубил камни, как дерево, раскаляя их добела!» Теперь понял? Ох, милый ты мой... или ты станешь величайшим из величайших колдунов, или тебе снесут голову. Допускаю, что то и другое может произойти одновременно.

– Радуюсь тебя, Легана, – дрогнувшим голосом ответил Илар, представив картину того, как ему сносят голову. Головы ему было жалко, как и всего остального, что к ней прилагалось, потому молодой колдун загрустил, и этот самый Меч Преисподней в виде кухонного тесака сделался ему почему-то неприятен.

– Отчего ты загрустил? – с усмешкой спросила Легана, лукаво поглядывая на парня. – А ты чего хотел? Добиться успеха, и чтобы тебе не завидовали? Чтобы тысячи людей не желали тебе смерти, а твоим близким чумы и желтой лихорадки? Молодой ты еще. Каждый колдун мечтает стать великим, а когда становится, понимает, что звание «великого» – это не только радость, богатство, уважение и преклонение! Вслед за ними идут зависть, злоба, желание при- низить, втоптать в грязь, а лучше всего – уничтожить, предварительно обворовав, обобрав, как разбойник обирает купца на пустынной дороге. Потому – или ты все-таки стремишься к высшей цели, осознавая, что наверху тебя ждет опасность, или сидишь тихо, не высыва- ешься, не отвечаешь. Я понятно сказала?

– Куда уж понятнее, – усмехнулся Илар. – Я хочу быть великим колдуном и...

– Хочешь – будь им! – отрезала Легана. – И нечего ныть, строить кислую морду! Ты сделал то, что недоступно сотням колдунов, а возможно, – никому в этом мире, и сидишь так, будто тебя только что избили палкой? Ты что, Илар?! Ты как маленький старичок, кислый, вялый. Да ты радоваться должен, ликовать!

– Я и ликую, – попытался улыбнуться Илар, скривившись в гримасе. – Понимаешь, как-то все быстро происходит, неожиданно, пугающе... ведь только вчера я был простым мальчиш- кой, читал книги, мечтал о великих свершениях, открытиях. И вот когда это время открытий настало, мне почему-то становится страшно.

– Я понимаю... – немного подумав, ответила шаманка. – Но ты привыкнешь. Возможно, привыкнешь. А может, и нет. Лучше бы ты не привык и радовался каждому открытию. Когда ты перестанешь удивляться, перестанешь радоваться чудесам, это будет означать одно – ты старик. Глубокий старик.

– А ты радуешься чудесам? – улыбнулся Илар и с прищуром посмотрел на худую, будто выточенную из темного твердого дерева шаманку.

– Радуюсь, – улыбнулась Легана, – я еще молода. Если бы ты знал, как я молода! Ну да, немного погасла, но иногда в глубине души у меня просыпается девчонка, та самая, что виз- жала, когда получалось сложное заклинание, которая могла полночи бежать по тропе на свидан- ие с любимым и после жарких соитий снова возвращаться назад – бегом, без всяких лошадей и без отдыха! Я до сих пор не перестаю удивляться жизни, и она иногда подкидывает мне такие интересные истории... вот как та, что произошла с тобой, например. Я думаю, боги неспроста нас соединили. У каждого колдуна должен быть свой наставник, направляющий на истинный путь. Вот и я дана тебе для того, чтобы ты шел правильной тропой. Какой? Это мне неизвестно. Но все, чем я могу тебе помочь, – ты получишь. Возможно, боги потому и лишили меня кол- довской силы, чтобы ничего не мешало твоему обучению, чтобы я не отвлекалась на свое кол- довство. Жестоко, скажешь? С нашей точки зрения, да. Но с точки зрения богов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.